Google

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

Sm 16029
2

Digitized by Google

Библиотека
А. Смирдина
№ 16029.2

Slovanská knihovna
SLOVANSKÁ KNIHOVNA
3186270345

Digitized by Google

16029

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

16029

МИРГОРОДЪ.

ПОВѢСТИ,

Служащія продолженіемъ *Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки.*

Н. ГОГОЛЯ.

163354

Миргородъ нарочито невеликій при рѣкѣ Хоролѣ городъ. Имѣетъ і камашную фабрику, і кирпичный заводъ, 4 водяныхъ и 45 вѣтреныхъ мельницъ.

Географіи Зябловскаго.

Хотя въ Миргородѣ пекутся бублики изъ чернаго тѣста, но довольно вкусны.

Изъ записокъ одного путешественника.

Часть вторая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1835.

Digitized by Google

Бт 16029/2

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 29 Декабря 1834 года.

Цензоръ В. Семеновъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

Digitized by Google

ВІЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВІЙ. *

Какъ только ударялъ въ Кіевѣ по утру довольно звонкій Семинарскій колоколъ, висѣвшій у воротъ братскаго монастыря,

* Вій — есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у Малороссіянъ начальникъ Гномовъ, у котораго вѣки на глазахъ идутъ до самой земли. Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнить его и разсказываю почти въ такой же простотѣ, какъ слышалъ.

Digitized by Google

то уже со всего города спѣшили толпами школьники и Бурсаки. Грамматики, Риторы, Философы и Богословы, съ тетрадями подъ мышкой, брели въ классъ. Грамматики были еще очень малы: идя, толкали другъ друга и бранились между собою самымъ тоненькимъ дискантомъ; были всѣ почти въ изодранныхъ, или запачканныхъ платьяхъ, и карманы ихъ вѣчно были наполнены всякою дрянью, какъ-то: бабками, свистелками, сдѣланными изъ перышекъ, недоѣденнымъ пирогомъ, а иногда даже и маленькими воробьенками, изъ которыхъ одинъ, вдругъ чиликнувъ среди необыкновенной тишины въ классѣ, доставлялъ своему патрону порядочные пали въ обѣ руки, а иногда и вишневыя розги. Риторы шли солиднѣе: платья у нихъ были часто совершенно цѣлы, но за то на лицѣ всегда почти бывало какое нибудь украшеніе въ видѣ риторическаго тропа: или одинъ глазъ уходилъ подъ самый лобъ, или вмѣсто губы цѣлый пузырь, или какая нибудь другая примѣта; эти говорили и божились между

Digitized by Google

собою тенором. Философы цѣлою окшавою брали ниже; въ карманахъ ихъ, кромѣ крѣпкихъ табачныхъ корешковъ, ничего не было. Запасовъ они не дѣлали никакихъ и все, что попадалось, съѣдали тогда же; отъ нихъ слышалась трубка и горѣлка, иногда такъ далеко, что проходившій мимо ремесленникъ долго еще, остановившись, нюхалъ, какъ гончая собака, воздухъ. Рынокъ въ это время обыкновенно только что начиналъ шевелиться и торговки съ бубликами, булками, арбузными сѣмечками и маковниками дергали на подхватъ за полы тѣхъ, у которыхъ полы были изъ тонкаго сукна, или какой нибудь бумажной матеріи. »Паничи! паничи! сюды! сюды!« говорили они со всѣхъ сторонъ: »ось бублики, маковники, вершычки, буханци хороши! ей Богу, хороши! на меду! сама пекла!« Другая, поднявъ что-то длинное, скрученное изъ тѣста, кричала: »ось сусулька! паничи, купите сусульку!« — »Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная, и носъ нехорошій, и руки нечистые...« Но Фи-

Digitized by Google

лософовъ и Богослововъ они боялись задѣвать, потому что Философы и Богословы всегда любили брать только на пробу и притомъ цѣлою горстью. По приходѣ въ Семинарію вся толпа размѣщалась по классамъ, находившимся въ низенькихъ, довольно однако же просторныхъ, комнатахъ съ небольшими окнами, съ широкими дверьми и заначканными скамьями. Классъ наполнялся вдругъ разноголосными жужжаніями: Авдиторы выслушивали своихъ учениковъ: звонкій дискантъ Грамматика попадалъ какъ разъ въ звонъ стекла, вставленнаго въ маленькія окна, и стекло отвѣчало почти тѣмъ же звукомъ; въ углу гудѣлъ Риторъ, котораго ротъ и толстые губы должны бы принадлежать по крайней мѣрѣ Философіи. Онъ гудѣлъ басомъ и только слышно было издали: бу, бу, бу, бу... Авдиторы, слушая урокъ, смотрѣли однимъ глазомъ подъ скамью, гдѣ изъ кармана подчиненнаго Бурсака выглядывала булка, или вареникъ, или семѣна изъ тыквъ. Когда вся эта ученая толпа успѣвала приходить нѣсколько ра-

Digitized by Google

нѣе, или когда знали, что Профессора будутъ позже обыкновеннаго, тогда, со всеобщаго согласія, замышляли бой, и въ этомъ бою должны были участвовать всѣ, даже и Цензора, обязанные смотрѣть за порядкомъ и нравственностію всего учащагося сословія. Два Богослова обыкновенно рѣшали, какъ происходить битвѣ: каждый ли классъ долженъ стоять за себя особенно, или всѣ должны раздѣлиться на двѣ половины: на Бурсу и Семинарію. Во всякомъ случаѣ Грамматики начинали прежде всѣхъ, и какъ только вмѣшивались Риторики, они уже бѣжали прочь и становились на возвышеніяхъ наблюдать битву. Потомъ вступала Философія съ черными длинными усами, а наконецъ и Богословія въ ужасныхъ шароварахъ и съ преогромными шеями. Обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что Богословія побивала всѣхъ и Философія, почесывая бока, была тѣснима въ классъ и помѣщалась отдыхать на скамьяхъ. Профессоръ, входившій въ классъ, и участвовавшій когда-то самъ въ подобныхъ бояхъ, въ одну минуту, по

Digitized by Google

разгорѣвшимся лицамъ своихъ слушателей, узнавалъ, что бой былъ недуренъ, и въ то время, когда онъ сѣкъ розгами по пальцамъ Риторику, въ другомъ классѣ другой Профессоръ отдѣлывалъ деревянными лопатками по рукамъ Философію. Съ Богословами же было поступаемо совершенно другимъ образомъ: имъ, по выраженію Профессора Богословіи, отсыпалось по мѣркѣ *крупнаго гороха*, что состояло въ хорошенькихъ кожанныхъ канчукахъ.

Въ торжественные дни и праздники, Семинаристы и Бурсаки отправлялись по домамъ съ вертепами. Иногда разыгрывали комедію, и въ такомъ случаѣ всегда отличался какой нибудь Богословъ, ростомъ мало чемъ пониже Кіевской колокольни, представлявшій Иродіаду, или Пентефрію супругу Египетскаго царедворца. Въ награду получали они кусокъ полотна, или мѣшокъ проса, или половину вареннаго гуся и тому подобное. Весь этотъ ученый народъ, какъ Семинарія, такъ и Бурса, которые питали какую-то наслѣдственную непріязнь между собою, былъ чрез-

Digitized by Google

вычайно бѣденъ на средства къ прокормленію и притомъ необыкновенно прожорливъ; такъ что сосчитать, сколько каждый изъ нихъ уписывалъ за вечерею галушекъ, было бы совершенно невозможное дѣло; и потому доброхотныя пожертвованія зажиточныхъ владѣльцевъ не могли быть достаточны. Тогда Сенатъ, состоявшій изъ Философовъ и Богослововъ, отправлялъ Грамматиковъ и Риторовъ, подъ предводительствомъ одного Философа, а иногда присоединялся и самъ, съ мѣшками на плечахъ опустошать чужіе огороды. И въ Бурсѣ появлялась каша изъ тыквъ. Сенаторы столько объѣдались арбузовъ и дынь, что на другой день Авдиторы слышали отъ нихъ вмѣсто одного два урока: одинъ происходилъ изъ устъ, другой ворчалъ въ Сенаторскомъ желудкѣ. Бурса и Семинарія носили какія-то длинныя подобія сюртуковъ, простиравшихся *по сіе время:* слово техническое, означавшее: далѣе пятокъ.

Самое торжественное для Семинаріи событіе было — вакансіи, время съ Іюня

Digitized by Google

мѣсяца, когда обыкновенно Вуреа распускалась по домамъ. Тогда всю большую дорогу усѣевали Грамматики, Философы и Богословы. Кто не имѣлъ своего пріюта, тотъ отправлялся къ кому нибудь изъ товарищей. Философы и Богословы отправлялись *на кондиціи*, т. е. брались учить или приготовлять дѣтей людей зажиточныхъ, и получали за то въ годъ новые сапоги, а иногда и на сюртукъ. Вся ватага эта тянулась вмѣстѣ цѣлымъ таборомъ; варила себѣ кашу и ночевала въ полѣ. Каждый тащилъ за собою мѣшокъ, въ которомъ находилась одна рубашка и пара онучь. Богословы особенно были бережливы и аккуратны: для того, чтобы не износить сапоговъ, они скидали ихъ, вѣшали на палки и несли на плечахъ, особенно когда была грязь. Тогда они, засучивъ шаровары по колѣни, безстрашно разбрызгивали своими ногами лужи. Какъ только завидывали въ сторонѣ хуторъ, тотчасъ сворачивали съ большой дороги и приблизившись къ хатѣ, выстроенной поопрятнѣе другихъ, становились передъ

Digitized by Google

окнами въ рядъ и во весь ротъ начинали пѣть кантъ. Хозяинъ хаты, какой нибудь старый казакъ-поселянинъ, долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ своей женѣ: »Жинко! то, что поютъ школяри, должно быть очень разумное; вынеси имъ сала и чего нибудь такого, что у насъ есть!« И цѣлая миска вареникoвъ валилась въ мѣшокъ. Порядочный кусъ сала, нѣсколько паленицъ, а иногда и связанная курица помѣщались вмѣстѣ. Подкрѣпившись такимъ запасомъ, Грамматики, Риторы, Философы и Богословы опять продолжали путь. Чѣмъ далѣе однако же шли они, тѣмъ болѣе уменьшалась толпа ихъ. Всѣ почти разбродились по домамъ и оставались тѣ, которые имѣли родительскія гнѣзда далѣе другихъ.

Одинъ разъ, во время подобнаго странствованія, три Бурсака сворошили съ большой дороги въ сторону, съ тѣмъ, чтобы въ первомъ попавшемся хуторѣ запастись провіантомъ, потому что мѣшокъ у нихъ давно уже былъ пустъ. Это были: Бого-

Digitized by Google

словъ Халява, Философъ Хома Брутъ и Риторъ Тиберій Горобець. Богословъ былъ рослый, плечистый мущина и имѣлъ чрезвычайно странный нравъ: все, что ни лежало бывало возлѣ него, онъ непремѣнно украдетъ. Въ другомъ случаѣ характеръ его былъ чрезвычайно мраченъ и когда напивался онъ пьянъ, то прятался въ бурьянѣ, и Семинаріи стоило большаго труда его сыскать тамъ. Философъ Хома Брутъ былъ нрава веселаго, любилъ очень лежать и курить люльку. Если же пилъ, то непремѣнно нанималъ музыкантовъ и отплясывалъ тропака. Онъ часто пробовалъ *крупнаго гороха*, но совершенно съ философическимъ равнодушіемъ, говоря, что чему быть, того не миновать. Риторъ Тиберій Горобець еще не имѣлъ права носить усовъ, пить горѣлки и курить люльки. Онъ носилъ только оселедець и потому характеръ его въ то время еще мало развился; но судя по большимъ шишкамъ на лбу, съ которыми онъ часто являлся въ классъ, можно было предположить, что изъ него будетъ хорошій во-

Digitized by Google

инъ. Богословъ Халява и Философъ Хома часто дирали его за чубъ въ знакъ своего покровительства и употребляли въ качествѣ депутата.

Былъ уже вечеръ, когда они своротили съ большой дороги. Солнце только что сѣло, и дневная теплота оставалась еще въ воздухѣ. Богословъ и Философъ шли молча, куря люльки; Риторъ Тиберій Горобець сбивалъ палкою головки съ будяковъ, росшихъ по краямъ дороги. Дорога шла между разбросанными группами дубовъ и орѣшника, покрывавшими лугъ. Отлогости и небольшія горы, зеленыя и круглыя, какъ куполы, иногда перемѣжевывали равнину. Показавшаяся въ двухъ мѣстахъ нива съ вызрѣвавшимъ житомъ давала знать, что скоро должна появиться какая нибудь деревня. Но уже болѣе часа, какъ они минули хлѣбныя полосы, а между тѣмъ имъ не попадалось никакого жилья. Сумерки уже совсѣмъ омрачили небо и только на западѣ блѣднѣлъ остатокъ алаго сіянія.

163357

Digitized by Google

»Что за чортъ!« сказалъ Философъ Хома Брутъ: »сдавалось совершенно, какъ будто сейчасъ будетъ хуторъ.«

Богословъ помолчалъ, поглядѣлъ по окрестностямъ, потомъ опять взялъ въ роть свою люльку и всѣ продолжали путь.

»Ей Богу!« сказалъ опять остановившись Философъ. »Ни чортова кулака не видно.«

»А можетъ быть далѣе и попадется какой нибудь хуторъ«, сказалъ Богословъ, не выпуская люльки. Но между тѣмъ уже была ночь, и ночь довольно темная. Небольшія тучи усилили мрачность и судя по всѣмъ примѣтамъ, нельзя было ожидать ни звѣздъ, ни мѣсяца. Бурсаки замѣтили, что они сбились съ пути и давно шли не по дорогѣ.

Философъ, потаривши ногами во всѣ стороны, сказалъ наконецъ отрывисто: »А гдѣ же дорога?« Богословъ помолчалъ и, надумавшись, примолвилъ: »да ночь темная.« Риторъ отошелъ въ сторону и старался ползкомъ нащупать дорогу, но руки его попадали только въ лисьи норы.

Digitized by Google

Вездѣ была одна степь, по которой, казалось, никто не ѣздилъ. Путешественники еще сдѣлали усиліе пройти нѣсколько впередъ, но вездѣ была та же дичь. Философъ попробовалъ перекликнуться, но голосъ его совершенно заглохъ по сторонамъ и не встрѣтилъ никакого отвѣта. Нѣсколько спустя только, послышалось слабое стенаніе, похожее на волчій вой.

»Вишъ! что тутъ дѣлать?« сказалъ Философъ.

»А что? оставаться и заночевать въ полѣ!« сказалъ Богословъ и полѣзъ въ карманъ достать огниво и закурить снова свою люльку. Но Философъ не могъ согласиться на это. Онъ всегда имѣлъ обыкновеніе упрятать на ночь полпудовую краюху хлѣба и фунта четыре сала, и чувствовалъ на этотъ разъ въ желудкѣ своемъ какое-то несносное одиночество. Притомъ, не смотря на веселый нравъ свой, Философъ боялся нѣсколько волковъ.

»Нѣтъ, Халява, не можно«, сказалъ онъ. »Какъ же, не подкрѣпивъ себя ни

Digitized by Google

чѣмъ, разтянуться и лечь такъ, какъ собака? Попробуемъ еще; можетъ быть набредемъ на какое нибудь жилье и хоть чарку горѣлки удастся выпить на ночь.«

При словѣ горѣлка, Богословъ сплюнулъ въ сторону и примолвилъ: »оно конечно, въ полѣ оставаться нѣчего.« Бурсаки пошли впередъ и къ величайшей радости ихъ, въ отдаленіи почудился лай. Прислушавшись, съ которой стороны, они отправились бодрѣе и немного пройдя, увидѣли огонекъ. »Хуторъ! ей Богу, хуторъ!« сказалъ Философъ. Предположенія его не обманули: черезъ нѣсколько времени они увидѣли точно небольшой хуторокъ, состоявшій изъ двухъ только хатъ, находившихся въ одномъ и томъ же дворѣ. Въ окнахъ свѣтился огонь; десятокъ сливныхъ деревъ торчало подъ тыномъ. Взглянувши въ сквозныя досчатыя ворота, Бурсаки увидѣли поверхность двора уставленною чумацкими возами. Звѣзды кое-гдѣ глянули въ это время на небѣ.

»Смотрите же, братцы, неотставать! во что бы то ни было, а добыть ночлега!«

Digitized by Google

Три ученые мужа дружно ударили въ ворота и закричали: »отвори!«

Дверь въ одной хатѣ заскрыпѣла и минуту спустя Бурсаки увидѣли передъ собою старуху въ нагольномъ шулупѣ. »Кто тамъ?« закричала она, глухо кашляя.

»Пусти, бабуся, переночевать. Сбились съ дороги. Такъ въ полѣ скверно, какъ въ голодномъ брюхѣ.«

»А что вы за народъ?«

»Да народъ необидчивой: Богословъ Халява, Философъ Брутъ и Риторъ Горобецъ.«

»Не можно«, проворчала старуха: »у меня народу полонъ дворъ и всѣ углы въ хатѣ заняты. Куды я васъ дѣну? Да еще все какой рослой и здоровой народъ! Да у меня и хата развалится, когда помѣщу такихъ. Я знаю этихъ Философовъ и Богослововъ. Если такихъ пьяницъ начнешь принимать, то и двора скоро не будетъ. Пошли! пошли! Тутъ вамъ нѣтъ мѣста.«

»Умилосердись, бабуся! Какъ же можно, чтобы Христіанскія души пропали ни за

Digitized by Google

что, ни про что? Гдѣ хочешь помѣсти насъ. И если мы, что нибудь, какъ нибудь того, или какое другое что сдѣлаемъ, — то пусть намъ и руки отсохнутъ, и такое будетъ, что Богъ одинъ знаетъ. Вотъ что!«

Старуха, казалось, немного смягчилась. »Хорошо,« сказала она, какъ бы размышляя: »я впущу васъ; только положу всѣхъ въ разныхъ мѣстахъ, ибо у меня не будетъ спокойно на сердцѣ, когда будете лежать вмѣстѣ.«

»На то твоя воля; не будемъ прекословить«, отвѣчали Бурсаки.

Ворота заскрыпѣли и они вошли на дворъ.

»А что, бабуся,« сказалъ Философъ, идя за старухой: »если бы такъ, какъ говорятъ.... ей Богу, въ животѣ какъ будто кто колесами сталъ ѣздить. Съ самаго утра вотъ хоть бы щепка была во рту.«

»Вишь, чего захотѣлъ!« сказала старуха. »Нѣтъ у меня, нѣтъ ничего такого и печь не топилась сегодня.«

Digitized by Google

»А мы бы уже за все это«, продолжалъ Философъ: »расплатились бы завтра какъ слѣдуетъ — чистоганомъ. Да!« продолжалъ онъ тихо: »чорта съ два! получишъ ты что нибудь!«

»Ступайте, ступайте! и будьте довольны тѣмъ, что даютъ вамъ. Вотъ чортъ принесъ какихъ нѣжныхъ паничей!«

Философъ Хома пришелъ въ совершенное уныніе отъ такихъ словъ. Но вдругъ носъ его почувствовалъ запахъ сушеной рыбы. Онъ глянулъ на шаровары Богослова, шедшаго съ нимъ рядомъ, и увидѣлъ, что изъ кармана его торчалъ преогромный рыбій хвостъ. Богословъ уже успѣлъ подцибрить съ воза цѣлаго карася. И такъ какъ онъ это производилъ не изъ какой нибудь корысти, но единственно по привычкѣ, и позабывши совершенно о своемъ карасѣ, уже разглядывалъ, что бы такое стянуть другое, не имѣя намѣренія пропустить даже изломаннаго колеса, — то Философъ Хома запустилъ руку въ его карманъ, какъ въ свой собственный, и

Digitized by Google

вытащилъ карася. Старуха размѣстила Бурсаковъ: Ритора положила въ хатѣ, Богослова заперла въ пустую камору, Философу отвела тоже пустой овечій клѣвъ.

Философъ, оставшись одинъ, въ одну минуту съѣлъ карася, осмотрѣлъ плетеныя стѣны клѣва, толкнулъ ногою въ морду просунувшуюся изъ другаго хлѣва любопытную свинью и поворотился на правый бокъ, чтобы заснуть мертвецки. Вдругъ низенькая дверь отворилась и старуха, нагнувшись, вошла въ клѣвъ.

»А что, бабуся, чего тебѣ нужно?« сказалъ Философъ. Но старуха шла прямо къ нему съ распростертыми руками.

»Эге, ге!« подумалъ Философъ: »только нѣтъ, голубушка! устарѣла!« Онъ отодвинулся немного подальше, но старуха, безъ церемоніи, опять подошла къ нему.

»Слушай, бабуся!« сказалъ Философъ: »теперь постъ; а я такой человѣкъ, что и за тысячу золотыхъ не захочу оскоромиться.« Но старуха раздвигала руки и ловила его, не говоря ни слова.

Digitized by Google

Философу сдѣлалось страшно, особливо когда онъ замѣтилъ, что глаза ея сверкнули какимъ-то необыкновеннымъ блескомъ. »Бабуся! что ты? Ступай, ступай себѣ съ Богомъ!« закричалъ онъ. Но старуха не говорила ни слова и хватала его руками.

Онъ вскочилъ на ноги, съ намѣреніемъ бѣжать; но старуха стала въ дверяхъ и вперила на него сверкающіе глаза, и снова начала подходить къ нему.

Философъ хотѣлъ оттолкнуть ее руками, но къ удивленію замѣтилъ, что руки его не могутъ приподняться, ноги не двигались и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что даже голосъ не звучалъ изъ устъ его: слова безъ звука шевелились на губахъ. Онъ слышалъ только, какъ билось его сердце; онъ видѣлъ, какъ старуха подошла къ нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила съ быстротою кошки къ нему на спину, ударила его метлою по боку и онъ, подпрыгивая, какъ верховой конь, понесъ ее на плечахъ своихъ. Все это случилось такъ быстро, что

Digitized by Google

Философъ едва могъ опомниться и схватилъ обѣими руками себя за колѣни, желая удержать ноги; но они, къ величайшему изумленію его, подымались противъ воли и производили скачки быстрѣе Черкесскаго бѣгуна. Когда уже минули они хуторъ и передъ ними открылась ровная лощина, а въ сторонѣ потянулся черный, какъ уголь, лѣсъ, тогда только сказалъ онъ самъ въ себѣ: »эге, да это вѣдьма.«

Обращенный мѣсячный серпъ свѣтлѣлъ на небѣ. Робкое полночное сіяніе, какъ сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось по землѣ. Лѣса, луга, небо, долины — все, казалось, какъ будто спало съ открытыми глазами. Вѣтеръ хоть бы разъ вспорхнулъ гдѣ нибудь. Въ ночной свѣжести было что-то влажно-теплое. Тѣни отъ деревъ и кустовъ, какъ кометы, острыми клинами падали на отлогую равнину. Такая была ночь, когда Философъ Хома Брутъ скакалъ съ непонятнымъ всадникомъ на спинѣ. Онъ чувствовалъ какое-то томительное, непріятное и вмѣстѣ сладкое чувство, подступавшее къ его сердцу.

Digitized by Google

Онъ опустилъ голову внизъ и видѣлъ, что трава, бывшая почти подъ ногами его, казалось, росла глубоко и далеко, и что сверхъ ея находилась прозрачная, какъ горный ключь, вода и трава казалась дномъ какого-то свѣтлаго, прозрачнаго до самой глубины моря; по крайней мѣрѣ онъ видѣлъ ясно, какъ онъ отражался въ немъ вмѣстѣ съ сидѣвшею на спинѣ старухою. Онъ видѣлъ, какъ вмѣсто мѣсяца свѣтило тамъ какое-то солнце; онъ слышалъ, какъ голубые колокольчики, наклоняя свои головки, звенѣли. Онъ видѣлъ, какъ изъ-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога выпуклая, упругая, вся созданная изъ блеска и трепета. Она оборотилась къ нему — и вотъ ея лицо, съ глазами свѣтлыми, сверкающими, острыми, съ пѣньемъ вторгавшимися въ душу, уже приближалось къ нему, уже было на поверхности и задрожавъ сверкающимъ смѣхомъ, удалялось — и вотъ она опрокинулась на спину и облачныя перси ея, матовыя, какъ фарфоръ не покрытый глазурью, просвѣчивали предъ солнцемъ по

Digitized by Google

краямъ своей бѣлой, эластически-нѣжной окружности. Вода въ видѣ маленькихъ пузырьковъ, какъ бисеръ, обсыпала ихъ. Она вся дрожитъ и смѣется въ водѣ...

Видитъ ли онъ это, или не видитъ? На яву ли это, или снится? Но тамъ что? Вѣтеръ, или музыка: звенитъ, звенитъ и вьется, и подступаетъ и вонзается въ душу какою-то нестерпимою трелію....

»Что это?« думалъ Философъ Хома Брутъ, глядя внизъ, несясь во всю прыть. Потъ катился съ него градомъ. Онъ чувствовалъ бѣсовски-сладкое чувство, онъ чувствовалъ какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслажденіе. Ему часто казалось, какъ будто сердца уже вовсе не было у него, и онъ со страхомъ хватался за него рукою. Изнеможенный, растерянный, онъ началъ припоминать всѣ, какія только зналъ, молитвы. Онъ перебиралъ всѣ заклятія противъ духовъ и вдругъ почувствовалъ какое-то освѣженіе; чувствовалъ, что шагъ его начиналъ становиться лѣнивѣе, вѣдьма

Digitized by Google

какъ-то слабѣе держалась на спинѣ его. Густая трава касалась его и уже онъ не видѣлъ въ ней ничего необыкновеннаго. Свѣтлый серпъ свѣтилъ на небѣ.

»Хорошо же!« подумалъ про себя Философъ Хома и началъ почти вслухъ произносить заклятія. Наконецъ, съ быстротою молніи выпрыгнулъ изъ подъ старухи и вскочилъ въ свою очередь къ ней на спину. Старуха мелкимъ дробнымъ шагомъ побѣжала такъ быстро, что всадникъ едва могъ переводить духъ свой. Земля чуть мелькала подъ нимъ. Все было ясно при мѣсячномъ, хотя и не полномъ свѣтѣ. Онъ схватилъ лежавшее на дорогѣ полѣно и началъ имъ со всѣхъ силъ колотить старуху. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ замѣтилъ онъ, что бѣгъ ея становился медленнѣе и медленнѣе. Философъ сгоряча крестилъ ее еще болѣе. Наконецъ вѣдьма была не въ силахъ переносить ударовъ, зашаталась и упала. Разсвѣтъ загорѣлся совершенно. Птицы чиликали въ еще неподвижныхъ и спавшихъ рощахъ орѣшника. Передъ нимъ, какъ на ладонѣ, былъ весь

Digitized by Google

Кіевъ съ продолговатыми, какъ золотые груши, главами. Вставши на ноги, онъ взглянулъ на лежавшую на землѣ и едва дышавшую вѣдьму — и самъ не могъ растолковать своего чувства: онъ видѣлъ, что въ лицѣ ея показались молодыя черты, сверкнула снѣжная бѣлизна и какъ будто бы она была уже вовсе не старуха: какая-то пріятная и вмѣстѣ непріятная мина показалась на губахъ ея и врѣзалась ему въ самое сердцѣ. Онъ чувствовалъ что-то похожее на жалость, но не захотѣлъ и минуты оставаться и скорѣе направилъ путь свой въ городъ, раздумывая объ этомъ странномъ происшествіи. Бурсаковъ почти никого не было въ городѣ: всѣ разбрелись по хуторамъ, или на кондиціи, или просто безъ всякихъ кондицій, потому что по хуторамъ Малороссійскимъ можно ѣсть галушки, сыръ, сметану и вареники величиною въ шляпу, не заплативъ гроша денегъ. Большая хата, въ которой помѣщалась Бурса, была рѣшительно пуста и сколько Философъ ни шарилъ по угламъ, не отыскалъ ни сала, ни книга, что по обыкновенію

Digitized by Google

запрашываемо было Бурсаками. Однако же Философъ скоро сыскался какъ поправить своему горю: онъ прошелъ посвистывая раза три по рынку, перемигнулся на самомъ концѣ съ какою-то молодою вдовою въ желтомъ очипкѣ, продававшею ленты, ружейную дробь и колеса — и былъ того же дня накормленъ пшеничными варениками, курицею... и словомъ перечесть нельзя, что у него было за столомъ, накрытымъ въ маленькомъ, глиняномъ домикѣ, среди вишневаго садика. Того же самаго вечера видѣли Философа въ корчмѣ: онъ лежалъ на лавкѣ покуривая, по обыкновенію своему, люльку, и при всѣхъ бросилъ жиду-корчмарю ползолотой. Передъ нимъ стояла кружка. Онъ глядѣлъ на приходившихъ и уходившихъ хладнокровно-довольными глазами и вовсе уже не думалъ о своемъ необыкновенномъ происшествіи.

—

Между тѣмъ распространились вездѣ слухи, что дочь одного изъ богатѣйшихъ

Digitized by Google

Сотниковъ, котораго хуторъ находился въ пятидесяти верстахъ отъ Кіева, возвратилась въ одинъ день съ прогулки вся избитая, едва имѣвшая силы добресть до отцовскаго дома, находится при смерти, и передъ смертнымъ часомъ изъявила желаніе, чтобы отходную по ней и молитвы въ продолженіе трехъ дней послѣ смерти читалъ одинъ изъ Кіевскихъ Семинаристовъ: Хома Брутъ. Объ этомъ Философъ узналъ отъ самого Ректора, который нарочно призывалъ его въ свою комнату и объявилъ, чтобы онъ безъ всякаго отлагательства, спѣшилъ въ дорогу, что именитый Сотникъ прислалъ за нимъ нарочно людей и возокъ.

Философъ вздрогнулъ по какому-то безотчетному чувству, котораго онъ самъ не могъ растолковать себѣ. Онъ какъ будто слышалъ какой-то тайный голосъ, его удерживавшій, и объявилъ напрямикъ, что не поѣдетъ.

»Послушай, Dominus Хома!« сказалъ Ректоръ (онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснялся очень вѣжливо съ своими под-

Digitized by Google

чиненными): »тебя никакой чортъ и не спрашиваетъ о томъ, хочешь ли ты ѣхать, или не хочешь. Я тебѣ скажу только то, что если ты еще будешь показывать свою рысь, да мудрствовать, то прикажу тебя по спинѣ и по прочему такъ отстегать молодымъ березнякомъ, что и въ баню больше не нужно ходить.«

Философъ, почесывая слегка за ухомъ, вышелъ, не говоря ни слова, располагая при первомъ удобномъ случаѣ возложить надежду на свои ноги. Въ раздумьи сходилъ онъ съ крутой лѣстницы, приводившей на дворъ, обсаженный тополями, и на минуту остановился, услышавши довольно явственно голосъ Ректора, дававшаго приказанія своему ключнику и еще кому-то, вѣроятно одному изъ посланныхъ за нимъ отъ Сотника.

»Благодари пана за крупу и яйца«, говорилъ Ректоръ: »и скажи, что какъ только будутъ готовы тѣ книги, о которыхъ онъ пишетъ, то я тотчасъ пришлю. Я отдалъ ихъ уже переписывать писцу. Да не забудь, мой голубе! прибавить пану,

Digitized by Google

что на хуторѣ у нихъ, я знаю, водится хорошая рыба и особенно осетрина, то при случаѣ прислалъ бы: здѣсь на базарахъ и нехороша и дорога. А ты, Явтугъ, дай молодцамъ по чаркѣ горѣлки. Да Философа привязать, а не то какъ разъ удерешъ.«

»Вишъ, чортовъ сынъ!« подумалъ про себя Философъ: »пронюхалъ, длинноногій вьюнъ!«

Онъ сошелъ внизъ и увидѣлъ кибитку, которую принялъ было сначала за хлѣбный овинъ на колесахъ. Въ самомъ дѣлѣ она была также глубока, какъ печь, въ которой обжигаютъ кирпичи. Это былъ обыкновенный Краковскій экипажъ, въ какомъ жиды полсотнею отправляются вмѣстѣ съ товарами во всѣ города, гдѣ только слышитъ ихъ носъ ярмарку. Его ожидало человѣкъ шесть здоровыхъ и крѣпкихъ казаковъ, уже нѣсколько пожилыхъ. Свитки изъ тонкаго сукна съ кистями показывали, что они принадлежали довольно значительному и богатому владѣльцу. Небольшіе рубцы говорили, что они

Digitized by Google

бывали когда-то на войнѣ не безъ славы.

»Что жъ дѣлать? Чему быть, тому не миновать!« подумалъ про себя Философъ и обратившись къ казакамъ, произнесъ громко: »Здравствуйте, братья-товарищи!«

»Будь здоровъ, панъ Философъ!« отвѣчали нѣкоторые изъ казаковъ.

»Такъ вотъ это мнѣ приходится сидѣть вмѣстѣ съ вами? А брика знатная!« продолжалъ онъ, влѣзая. »Тутъ бы, только нанять музыкантовъ, то и танцовать можно.«

»Да: соразмѣрный экипажъ!« сказалъ одинъ изъ казаковъ, садясь на облучекъ самъ-другъ съ кучеромъ, завязавшимъ голову тряпицею, вмѣсто шапки, которую онъ успѣлъ оставить въ шинкѣ. Другіе пять вмѣстѣ съ Философомъ полѣзли въ углубленіе и расположились на мѣшкахъ, наполненныхъ разною закупкою, сдѣланною въ городѣ.

»Любопытно бы знать,« сказалъ Философъ: »если бы, примѣромъ, эту брику

Digitized by Google

нагрузить какимъ нибудь товаромъ, положимъ: солью, или желѣзными клинами, сколько потребовалось бы тогда коней?«

»Да,« сказалъ, помолчавъ, сидѣвшій на облучкѣ казакъ: »достаточное бы число потребовалось коней.« Послѣ такого удовлетворительнаго отвѣта казакъ почиталъ себя вправѣ молчать во всю дорогу.

Философу чрезвычайно хотѣлось узнать обстоятельнѣе: кто таковъ былъ этотъ Сотникъ, каковъ его нравъ, что слышно о его дочкѣ, которая такимъ необыкновеннымъ образомъ возвратилась домой и находилась при смерти, и которой исторія связалась теперь съ его собственною, какъ у нихъ и что дѣлается въ домѣ? Онъ обращался къ нимъ съ вопросами; но казаки вѣрно были тоже Философы, потому что въ отвѣтъ на это молчали и курили люльки, лежа на мѣшкахъ. Одинъ только изъ нихъ обратился къ сидѣвшему на козлахъ возницѣ съ коротенькимъ приказаніемъ: »Смотри, Оверко, ты старый розиня; какъ будешь подъѣзжать къ шинку, что на Чухрайловской дорогѣ, то не

Digitized by Google

позабудь остановиться и разбудишь меня и другихъ молодцовъ, если кому случится заснуть.« Послѣ этого онъ заснулъ довольно громко. Впрочемъ эти наставленія были совершенно напрасны, потому что едва только приблизилась исполинская брика къ шинку на Чухрайловской дорогѣ, какъ всѣ въ одинъ голосъ закричали: »стой!« Притомъ лошади Оверка были такъ уже пріучены, что останавливались сами передъ каждымъ шинкомъ. Не смотря на жаркій Іюльскій день, всѣ вышли изъ брики, отправились въ низенькую запачканную комнату, гдѣ жидъ-корчмарь, съ знаками радости, бросился принимать своихъ старыхъ знакомыхъ. Жидъ принесъ подъ полою нѣсколько колбасъ изъ свинины и, положивши на столъ, тотчасъ отворотился отъ этого запрещеннаго Талмудомъ плода. Всѣ усѣлись вокругъ стола. Глиняныя кружки показались предъ каждымъ изъ гостей. Философъ Хома долженъ былъ участвовать въ общей пирушкѣ. И такъ какъ Малороссіяне, когда подгуляютъ, непремѣнно начнутъ цѣло-

Digitized by Google

ваться, или плакать, то скоро вся изба наполнилась лобызаніями. »А ну, Спиридъ, почеломкаемся! Иди сюда, Дорошъ, я обниму тебя!«

Одинъ казакъ, бывшій постарѣе всѣхъ другихъ, съ сѣдыми усами, подставивши руку подъ щеку, началъ рыдать отъ души, о томъ, что у него нѣтъ ни отца, ни матери и что онъ остался однимъ одинъ на свѣтѣ. Другой былъ большой резонеръ и безпрестанно утѣшалъ, говоря: »не плачь, ей Богу, не плачь! что жъ тутъ... ужъ Богъ знаетъ какъ и что такое.« Одинъ, по имени Дорошъ, сдѣлался чрезвычайно любопытенъ и оборотившись къ Философу Хомѣ, безпрестанно спрашивалъ его:

»Я хотѣлъ бы знать, чему у васъ въ Бурсѣ учатъ: тому ли самому, что и Дьякъ читаетъ въ церквѣ, или чему другому?«

»Не спрашивай!« говорилъ протяжно резонеръ: »пусть его тамъ будетъ, какъ было. Богъ уже знаетъ, какъ нужно; Богъ все знаетъ.«

Digitized by Google

»Нѣтъ, я хочу знать,« говорилъ Дорошъ: »что тамъ написано въ тѣхъ книжкахъ. Можетъ быть совсѣмъ другое, чѣмъ у Дьяка.«

»О Боже мой, Боже мой!« говорилъ этотъ почтенный наставникъ: »и на что такое говоришь? Такъ уже воля Божія положила. Уже что Богъ далъ, того не можно перемѣнить.«

»Я хочу знать все, что ни написано. Я пойду въ Бурсу, ей Богу, пойду! Что ты думаешь, я не выучусь? — Всему выучусь, всему!«

»О Боже жъ мой, Боже мой!..« говорилъ утѣшитель и спустилъ свою голову на столъ, потому что совершенно былъ не въ силахъ держать ее долѣе на плечахъ. Прочіе казаки толковали о панахъ и о томъ, отъ чего на небѣ свѣтитъ мѣсяцъ.

Философъ Хома, увидя такое расположеніе головъ, рѣшился воспользоваться и улизнуть. Онъ сначала обратился къ сѣдовласому казаку, грустившему объ отцѣ и матери: »Что жъ ты, дядько, распла-

Digitized by Google

кался? « сказалъ онъ: » я самъ сирота! Отпустите меня, ребята, на волю! На что я вамъ? «

» Пустимъ его на волю! « отозвались нѣкоторые. » Вѣдь онъ сирота. Пусть себѣ идетъ, куда хочетъ. «

» О Боже жъ мой, Боже мой! « произнесъ утѣшитель, поднявъ свою голову. » Отпустите его! Пусть идетъ себѣ! «

И казаки уже хотѣли сами вывесть его въ чистое поле, но тотъ, который показалъ свое любопытство, остановилъ ихъ, сказавши: » Не трогайте; я хочу съ нимъ поговорить о Бурсѣ; я самъ пойду въ Бурсу.... « Впрочемъ врядъ ли бы этотъ побѣгъ могъ совершиться, потому что когда Философъ вздумалъ подняться изъ за стола, то ноги его сдѣлались какъ будто деревянными и дверей въ комнатѣ начало представляться ему такое множество, что врядъ ли бы онъ отыскалъ настоящую.

Только ввечеру вся эта компанія вспомнила, что нужно отправляться далѣе въ дорогу. Взмостившись въ брику, они

Digitized by Google

потянулись, погоняя лошадей и напѣвая пѣсню, которой слова и смыслъ врядъ ли бы кто разобралъ. Проколесивши большую половину ночи, безпрестанно сбиваясь съ дороги, выученной наизусть, они наконецъ опустились съ крутой горы въ долину и Философъ замѣтилъ по сторонамъ тянувшійся частоколъ или плетень съ низенькими деревьями и выказывавшимися изъ за нихъ крышами. Это было большое селеніе, принадлежавшее Сотнику. Уже было далеко за полночь; небеса были темны и маленькіе звѣздочки мелькали кое-гдѣ. Ни въ одной хатѣ невидно было огня. Они взъѣхали, въ сопровожденіи собачьяго лая, на дворъ. Съ обѣихъ сторонъ были замѣтны крытые соломою сараи и домики. Одинъ изъ нихъ, находившійся какъ разъ по серединѣ противъ воротъ, былъ болѣе другихъ и служилъ, какъ казалось, пребываніемъ Сотника. Брика остановилась передъ небольшимъ подобіемъ сарая и путешественники наши отправились спать. Философъ хотѣлъ однако же нѣсколько обсмотрѣть снаружи

Digitized by Google

панскіе хоромы; но какъ онъ ни пялилъ свои глаза, ни что не могло означиться въ ясномъ видѣ: вмѣсто дома представлялся ему медвѣдь; изъ трубы дѣлался Ректоръ. Философъ махнулъ рукою и пошелъ спать.

Когда проснулся Философъ, то весь домъ былъ въ движеніи: въ ночь умерла панночка. Слуги бѣгали въ попыхахъ взадъ и впередъ. Старухи нѣкоторыя плакали. Толпа любопытныхъ глядѣла сквозь заборъ на панскій дворъ, какъ будто бы могла что нибудь увидѣть. Философъ началъ на досугѣ осматривать тѣ мѣста, которые онъ не могъ разглядѣть ночью. Панскій домъ былъ низенькое небольшое строеніе, какіе обыкновенно строились въ старину въ Малороссіи. Онъ былъ покрытъ соломою. Маленькій, острый и высокій фронтонъ съ окошкомъ, похожимъ на поднятый къ верху глазъ, былъ весь измаленъ голубыми и желтыми цвѣтами и красными полумѣсяцами. Онъ былъ утвержденъ на дубовыхъ столбикахъ, до половины круглыхъ, и снизу шести-гранныхъ,

Digitized by Google

съ вычурною обшочкою вверху. Подъ этимъ фронтономъ находилось небольшое крылечко со скамейками по обѣимъ сторонамъ. Съ боковъ дома были навѣсы на такихъ же столбикахъ, индѣ витыхъ. Высокая груша съ пирамидальною верхушкою и трепещущими листьями зеленѣла передъ домомъ. Нѣсколько амбаровъ въ два ряда стояли среди двора, образуя родъ широкой улицы, ведшей къ дому. За амбарами, къ самымъ воротамъ, стояли треугольниками два погреба, одинъ напротивъ другаго, крытые также соломою. Треугольная стѣна каждаго изъ нихъ была снабжена низенькою дверью и размалевана разными изображеніями. На одной изъ нихъ нарисованъ былъ сидящій на бочкѣ казакъ, державшій надъ головою кружку съ надписью: Все выпью. На другомъ фляшка сулеи и по сторонамъ, для красоты, лошадь стоявшая вверхъ ногами, трубка, бубны и надпись: Вино казацкая потѣха. Изъ чердака одного изъ сараевъ выглядывалъ, сквозь огромное слуховое окно, барабанъ и мѣдные трубы. У воротъ стояли

Digitized by Google

двѣ пушки. Все показывало, что хозяинъ дома любилъ повеселиться и дворъ часто оглашали пиршественные клики. За воротами находились двѣ вѣтреныя мельницы. Позади дома шли сады и сквозь верхушки деревъ видны были одни только темныя шляпки трубъ, скрывавшихся въ зеленой гущѣ хатъ. Все селеніе помѣщалось на широкомъ и ровномъ уступѣ горы. Съ сѣверной стороны все заслоняла крутая гора и подошвою своею оканчивалась у самаго двора. При взглядѣ на нее снизу она казалась еще круче и на высокой верхушкѣ ея торчали кое-гдѣ неправильные стебли тощаго бурьяна и чернѣли на свѣтломъ небѣ. Обнаженный глинистый видъ ея навѣвалъ какое-то уныніе. Она была вся изрыта дождевыми промоинами и прошочинами. На крутомъ косогорѣ ея въ двухъ мѣстахъ торчали двѣ хаты; надъ одною изъ нихъ раскидывала вѣтви широкая яблоня, подпертая у корня небольшими кольями съ насыпною землей. Яблоки, сбиваемые вѣтромъ, скатывались въ самый панскій дворъ. Съ вершины

Digitized by Google

вилась по всей горѣ дорога, и опустившись, шла мимо двора въ селенье. Когда Философъ измѣрилъ страшную круть ея и вспомнилъ вчерашнее путешествіе, то рѣшилъ, что или у пана были слишкомъ умныя лошади, или у казаковъ слишкомъ крѣпкія головы, когда и въ хмѣльномъ чаду умѣли не полетѣть вверхъ ногами вмѣстѣ съ неизмѣримою брикой и богажемъ. Философъ стоялъ на высшемъ въ дворѣ мѣстѣ и когда оборотился и глянулъ въ противоположную сторону, ему представился совершенно другой видъ. Селеніе вмѣстѣ съ отлогостью скатывалось на равнину. Необозримыя луга открывались на далекое пространство; яркая зелень ихъ темнѣла по мѣрѣ отдаленія и цѣлые ряды селеній синѣли вдали, хотя разстояніе ихъ было болѣе, нежели на двадцать верстъ. Съ правой стороны этихъ луговъ тянулись горы и чуть замѣтною вдали полосою горѣлъ и темнѣлъ Днѣпръ. »Эхъ, славное мѣсто!« сказалъ Философъ. »Вотъ тутъ бы жить, ловить рыбу въ Днѣпрѣ и въ прудахъ, охо-

Digitized by Google

тишься съ тенетами или съ ружьемъ за Стрепетами и Крольшнепами. Впрочемъ, я думаю, и дрофъ не мало въ этихъ лугахъ. Фруктовъ же можно насушить и продать въ городъ множество, или еще лучше, выкурить изъ нихъ водку; потому что водка изъ фруктовъ ни съ какимъ пѣнникомъ не сравнится. Да не мѣшаетъ подумать и о томъ, какъ бы улизнуть отсюда; ибо я и самъ не знаю отъ чего, только мнѣ кажется плохо будетъ здѣсь. Почему же именно я долженъ читать, а не другой?...« Онъ примѣтилъ за плетнемъ маленькую дорожку, совершенно закрытую разростшимся бурьяномъ. Онъ поставилъ машинально на нее ногу, думая напередъ только прогуляться, а потомъ тихомолкомъ, промежъ хатами, да и махнуть въ поле, какъ внезапно почувствовалъ на своемъ плечѣ довольно крѣпкую руку.

Позади его стоялъ тотъ самый старый казакъ, который вчера такъ горько соболѣзновалъ о смерти отца и матери и о своемъ одиночествѣ.

Digitized by Google

»Напрасно ты думаешь, панъ Философъ, улепетнуть изъ хутора!« говорилъ онъ. »Тутъ не такое заведеніе, чтобы можно было убѣжать. Да и дороги для пѣшехода плохи; а ступай лучше къ пану. Онъ ожидаетъ тебя давно въ свѣтлицѣ.«

»Пойдемъ! Что жъ... Я съ удовольствіемъ«, сказалъ Философъ и отправился вслѣдъ за казакомъ.

Сотникъ, уже престарѣлый, съ сѣдыми усами и съ выраженіемъ мрачной грусти, сидѣлъ передъ столомъ въ свѣтлицѣ, подперши обѣими руками голову. Ему было около 50 лѣтъ; но глубокое уныніе на лицѣ и какой-то блѣдно-тощій цвѣтъ показывали, что душа его была убита и разрушена вдругъ въ одну минуту и вся прежняя веселость и шумная жизнь исчезли на вѣки. Когда взошелъ Хома вмѣстѣ съ старымъ казакомъ, онъ отнялъ одну руку и слегка кивнулъ головою на низкій ихъ поклонъ.

Хома и казакъ почтительно остановились у дверей.

Digitized by Google

» Кто ты, и откудова, и какого званія, добрый человѣкъ? « сказалъ Сотникъ ни ласково, ни сурово.

» Изъ бурсаковъ, Философъ Хома Брутъ. «

» А кто былъ твой отецъ? «

» Не знаю, вельможный панъ. «

» А мать твоя? «

» И матери не знаю. По здравому разсужденію, конечно, была мать; но кто она и откуда, и когда жила — ей Богу, добродію, не знаю. «

Сотникъ помолчалъ и, казалось, минуту оставался въ задумчивости.

» Какъ же ты познакомился съ моею дочкою? «

» Не знакомился, вельможный панъ, ей Богу, не знакомился! Еще никакого дѣла съ панночками не имѣлъ, сколько ни живу на свѣтѣ. Цуръ имъ, чтобы не сказать непристойнаго. «

» Отъ чего же она не другому кому, а тебѣ именно назначила читать? «

Философъ пожалъ плечами: » Богъ его знаетъ, какъ это растолковать. Извѣстное уже дѣло, что панамъ подъ часъ захо-

Digitized by Google

чется такого, что и самый наиграмотнѣйшій человѣкъ не разберетъ; и пословица говоритъ: »Скачи враже, якъ панъ каже.«

»Да не врешь ли ты, панъ Философъ.«

»Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ пусть громомъ такъ и хлопнетъ, если лгу.«

»Если бы только минуточкой долѣе прожила ты,« грустно сказалъ Сотникъ: »то вѣрно бы я узналъ все. Никому не давай читать по мнѣ, но пошли, тату, сей же часъ въ Кіевскую Семинарію и привези Бурсака Хому Брута; пусть три ночи молится по грѣшной душѣ моей. Онъ знаетъ.... А что такое знаетъ, я уже не услышалъ. Она, голубонька, только и могла сказать, и умерла. Ты, добрый человѣкъ, вѣрно извѣстенъ святою жизнію своею и богоугодными дѣлами и она, можетъ быть, наслышалась о тебѣ.«

»Кто? я?« сказалъ Бурсакъ, отступивши отъ изумленія: »я святой жизни?« произнесъ онъ, посмотрѣвъ прямо въ глаза Сотнику. »Богъ съ вами, панъ! Что вы это говорите! да я, хоть оно непристойно

Digitized by Google

сказать, ходилъ къ булочницѣ, противъ самаго страстнаго четверга.«

»Ну... вѣрно уже недаромъ такъ назначено. Ты долженъ съ сего же дня начать свое дѣло.«

»Я бы сказалъ на это вашей милости... оно, конечно, всякой человѣкъ, вразумленный Святому Писанію, можетъ по соразмѣрности... только сюда приличнѣе бы требовалось Дьякона, или по крайней мѣрѣ Дьяка. Они народъ толковый и знаютъ какъ все это уже дѣлается; а я... Да у меня и голосъ не такой, и самъ я — чортъ знаетъ что. Никакого виду съ меня нѣтъ.«

»Ужъ какъ ты себѣ хочешь, только я все, что завѣщала мнѣ моя голубка, исполню, ничего не пожалѣя. И когда ты съ сего дня три ночи совершишь, какъ слѣдуетъ, надъ нею молитвы, то я награжу тебя; а не то — и самому чорту не совѣтую разсердить меня.«

Послѣднія слова произнесены были Сотникомъ такъ крѣпко, что Философъ понялъ вполнѣ ихъ значеніе.

»Ступай за мною!« сказалъ онъ.

Digitized by Google

Они вышли въ сѣни. Сотникъ отворилъ дверь въ другую свѣтлицу, бывшую насупротивъ первой. Философъ остановился на минуту въ сѣняхъ высморкаться и съ какимъ-то безотчетнымъ страхомъ переступилъ черезъ порогъ. Весь полъ былъ устланъ красною кипайкой. Въ углу, подъ образами, на высокомъ столѣ лежало тѣло умершей, на одѣялѣ изъ синяго бархата, убранномъ золотою бахрамою и кистями. Высокія восковыя свѣчи, увитыя калиною, стояли въ ногахъ и въ головахъ, изливая свой мутный, терявшійся въ дневномъ сіяніи, свѣтъ. Лице умершей было заслонено отъ него неутѣшнымъ отцемъ, который сидѣлъ передъ нею обращенный спиною къ дверямъ. Философа поразили слова, которыя онъ услышалъ:

»Я не о томъ жалѣю, моя наимилѣйшая мнѣ дочь, что ты во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, не доживъ положеннаго вѣка, на печаль и горесть мнѣ оставила землю; я о томъ жалѣю, моя голубонька, что не знаю того, кто былъ, лютый врагъ мой, причиною твоей смерти. И если бы я

Digitized by Google

зналъ, что могъ подумать только оскорбить тебя, или хоть бы сказалъ что нибудь непріятное о тебѣ, то, клянусь Богомъ, не увидѣлъ бы онъ больше своихъ дѣтей, если онъ также старъ, какъ и я; ни своего отца и матери, если только онъ еще на порѣ лѣтъ и тѣло его было бы выброшено на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ степнымъ. Но горе мнѣ, моя милая нагидочка, моя перепилочка, моя ясочка, что проживу я остальной вѣкъ свой безъ помѣхи, утирая полою дробныя слезы, текущія изъ старыхъ очей моихъ, тогда какъ врагъ мой будетъ веселиться и втайнѣ посмѣваться надъ хилымъ старцемъ....» Онъ остановился, и причиною этого была разрывающая горесть, разрѣшившаяся цѣлымъ потокомъ слезъ.

Философъ остановился, нѣсколько тронутый такою безутѣшною печалію. Онъ закашлялъ и издалъ глухое хрехтаніе, желая очистить немного свой голосъ.

Сонникъ оборотился и указалъ ему мѣсто въ головахъ умершей, передъ небольшимъ налоемъ, на которомъ лежали книги

Digitized by Google

»Три ночи какъ нибудь отработаю,« подумалъ Философъ: »за то папъ набьетъ мнѣ оба кармана чистыми червонцами.« Онъ приблизился и принялся читать. Глубокая тишина воцарилась. Онъ замѣтилъ, что Сотникъ вышелъ. Медленно поворотилъ онъ голову, чтобы взглянуть на умершую и...

Трепетъ пробѣжалъ по его членамъ: Передъ нимъ лежала красавица, какая когда либо бывала на землѣ. Казалось, никогда еще черты лица не были образованы въ такой рѣзкой и вмѣстѣ гармонической красотѣ. Она лежала какъ живая. Чело прекрасное, нѣжное какъ снѣгъ, какъ серебро, казалось мыслило; брови — ночь среди солнечнаго дня, тонкія, ровныя, горделиво приподнялись надъ закрытыми глазами, а рѣсницы, упавшія стрѣлами на щеки, казалось, пылавшія жаромъ тайныхъ желаній, а уста — свѣтлые рубины, готовые усмѣхнуться смѣхомъ блаженства, потопомъ радости... Но въ нихъ же, въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, онъ видѣлъ что-то страшно-пронзительное.

Digitized by Google

Онъ чувствовалъ, что душа его начинала какъ-то болѣзненно ныть, какъ будто бы вдругъ среди вихря веселья и закружившейся толпы запѣлъ кто нибудь пѣсню похоронную. Рубины устъ ея, казалось, прикипали кровію къ самому сердцу. »Это та самая вѣдьма, которую я прибилъ!« вскрикнулъ онъ вглядѣвшись въ ужасѣ. Въ самомъ дѣлѣ въ лицѣ ея выразилась та же мина, которая такъ поразила его, когда онъ, вмѣсто старухи, увидѣлъ молодую. »А! такъ вотъ почему она заставила читать меня!« Онъ въ ужасѣ глядѣлъ на нее: каждая черта лица ея теперь казалась ему громовою и угрожающею. Холодной потъ покатился съ лица его.

Когда солнце стало садиться, мертвую понесли въ церковь. Философъ долженъ былъ плечемъ своимъ поддерживать черный траурный гробъ и чувствовалъ на плечѣ своемъ что-то холодное какъ ледъ. Сотникъ самъ шелъ впереди, неся рукою правую сторону тѣснаго дома умершей. Церковь деревянная, почернѣвшая, убранная зеле-

Digitized by Google

нымъ мохомъ, съ тремя конусообразными банями, уныло стояла почти на краю села. Замѣтно было, что въ ней давно уже не отправлялось никакого служенія. Свѣчи были зажжены почти передъ каждымъ образомъ. Гробъ поставили по серединѣ противъ самаго алтаря. Старый Сотникъ поцѣловалъ еще разъ умершую, повергнулся ницъ и вышелъ вмѣстѣ съ носильщиками вонъ, давъ повелѣніе хорошенько накормить Философа и послѣ ужина проводить его въ церковь. Пришедши въ кухню, всѣ несшіе гробъ начали прикладывать руки къ печкѣ, что обыкновенно дѣлаютъ Малороссіяне увидѣвши мертвеца.

Голодъ, который въ это время началъ чувствовать Философъ, заставилъ его на нѣсколько минутъ позабыть вовсе объ умершей. Скоро вся дворня мало по малу начала сходиться въ кухню. Кухня въ Сотниковомъ домѣ была что-то похожее на клубъ, куда стекалось все, что ни обитало во дворѣ, считая въ это число и собакъ, приходившихъ съ машущими хво-

Digitized by Google

стами къ самымъ дверямъ за костьми и помоями. Куда бы кто ни былъ посылаемъ, и по какой бы то ни было надобности, онъ всегда прежде заходилъ на кухню, чтобы отдохнуть хоть минуту на лавкѣ и выкурить люльку. Всѣ холостяки, жившіе въ домѣ, щеголявшіе въ казацкихъ свитакахъ, лежали здѣсь почти цѣлый день на лавкѣ, подъ лавкою, на печкѣ, однимъ словомъ гдѣ только можно было сыскать удобное мѣсто для лежанья. Притомъ всякой вѣчно позабывалъ въ кухнѣ или шапку, или кнутъ для чужихъ собакъ, или что нибудь подобное. Но самое многочисленное собраніе бывало во время ужина, когда приходилъ и табунщикъ, успѣвшій загнать своихъ лошадей въ загонъ, и погонщикъ, приводившій коровъ для дойки, и всѣ тѣ, которыхъ въ теченіе дня нельзя было увидѣть. За ужиномъ болтовня овладѣвала самыми неговорливыми языками. Тутъ обыкновенно говорилось обо всемъ, и о томъ, кто пошилъ себѣ новые шаровары, и что находится внутри земли, и кто видѣлъ волка. Тутъ было множе-

Digitized by Google

ствю бонмошистовъ, въ которыхъ между Малороссіянами нѣтъ недостатка.

Философъ усѣлся вмѣстѣ съ другими въ обширный кружокъ на вольномъ воздухѣ передъ порогомъ кухни. Скоро баба въ красномъ очипкѣ высунулась изъ дверей, держа въ обѣихъ рукахъ горячій горшокъ съ галушками и поставила его по среди готовившихся ужинать. Каждый вынулъ изъ кармана своего деревянную ложку, иные, за неимѣніемъ, деревянную спичку. Какъ только уста стали двигаться немного медленнѣе и волчій голодъ всего этого собранія немного утишился, многіе начали заговаривать. Разговоръ, натурально, долженъ былъ обратиться къ умершей.

»Правда ли,« сказалъ одинъ молодой овчарь, который насадилъ на свою кожаную перевязь для люльки столько пуговицъ и мѣдныхъ бляхъ, что былъ похожъ на лавку мелкой торговки, »правда ли, что панночка, не тѣмъ будь помянута, зналась съ нечистымъ?«

»Кто? панночка?« сказалъ Дорошъ, уже знакомый прежде нашему Философу, »да

Digitized by Google

она была цѣлая вѣдьма! Я присягну, что вѣдьма!«

»Полно, полно, Дорошъ!« сказалъ другой, который во время дороги изъявлялъ большую готовность утѣшать. »Это не наше дѣло; Богъ съ нимъ! Нѣчего объ этомъ толковать.« Но Дорошъ вовсе не былъ расположенъ молчать. Онъ только что передъ тѣмъ сходилъ въ погребъ вмѣстѣ съ ключникомъ по какому-то нужному дѣлу и наклонившись раза два къ двумъ или тремъ бочкамъ, вышелъ оттуда чрезвычайно веселый и говорилъ безъ умолку.

»Что ты хочешь? Чтобы я молчалъ?« сказалъ онъ. »Да она на мнѣ самомъ ѣздила! Ей Богу, ѣздила!«

»А что, дядько,« сказалъ молодой овчаръ съ пуговицами: »можно ли узнать по какимъ нибудь примѣтамъ вѣдьму?«

»Нельзя«, отвѣчалъ Дорошъ. »Никакъ не узнаешъ; хоть всѣ псалтири перечитай, то не узнаешъ.«

»Можно, можно, Дорошъ. Не говори этого«, произнесъ прежній утѣшитель. »Уже Богъ не даромъ далъ всякому особый

Digitized by Google

обычай. Люди знающіе науку говорятъ, что у вѣдьмы есть маленькій хвостикъ.«

»Когда стара баба, то и вѣдьма«, сказалъ хладнокровно сѣдой казакъ.

»О, ужъ хороши и вы!« подхватила баба, которая подливала въ то время свѣжихъ галушекъ въ очистившійся горшекъ, »настоящіе толстые кабаны.«

Старый казакъ, котораго имя было Явтухъ, а прозваніе Ковтунъ, выразилъ на губахъ своихъ улыбку удовольствія, замѣтивъ, что слова его задѣли за живое старуху; а погонщикъ скотины пустилъ такой густой смѣхъ, какъ будто бы два быка, ставши одинъ противъ другаго, замычали разомъ.

Начавшійся разговоръ возбудилъ непреодолимое желаніе и любопытство Философа узнать обстоятельнѣе про умершую Сотникову дочь. И потому, желая опять навести его на прежнюю матерію, обратился къ сосѣду своему съ такими словами: »Я хотѣлъ спросить, почему все это сословіе, что сидитъ за ужиномъ, считаетъ панночку вѣдьмою? Что жъ,

Digitized by Google

развѣ она кому нибудь причинила зло, или извела кого нибудь?«

»Было всякаго«, отвѣчалъ одинъ изъ сидѣвшихъ, съ лицемъ гладкимъ, чрезвычайно похожимъ на лопату.

»А кто не припомнитъ псаря Микиту, или того...«

»А что жъ такое псарь Микита?« сказалъ Философъ.

»Стой! я разскажу про псаря Микиту,« сказалъ Дорошъ.

»Я разскажу про Микиту,« отвѣчалъ табунщикъ: »потому что онъ былъ мой кумъ.«

»Я разскажу про Микиту«, сказалъ Спиридъ.

»Пускай, пускай Спиридъ разскажетъ!« закричала толпа.

Спиридъ началъ: »Ты, панъ Философъ Хома, не зналъ Микиты: эхъ, какой рѣдкой былъ человѣкъ! Собаку каждую онъ бывало такъ знаетъ, какъ роднаго отца. Теперешній псарь Микола, что сидитъ третьимъ за мною, и въ подметки ему негодится. Хотя онъ тоже разумѣетъ

Digitized by Google

свое дѣло, но онъ противъ него — дрянь, помои.«

»Ты хорошо разсказываешь, хорошо!« сказалъ Дорошъ, одобрительно кивнувъ головою.

Спиридъ продолжалъ: »Зайца увидишь скорѣе, чѣмъ табакъ утрешь изъ носу. Бывало свиснешь: а ну, Разбой! а ну, Быстрая! а самъ на коня во всю прыть — и уже разсказать нельзя, кто кого скорѣе обгонитъ: онъ ли собаку, или собака его. Сивухи кваршу свиснешь вдругъ, какъ бы ни бывало. Славной былъ псарь! Только съ недавняго времени началъ онъ заглядываться безпрестанно на панночку. Вклялся ли онъ точно въ нее, или уже она такъ его околдовала, только пропалъ человѣкъ, обабился совсѣмъ; сдѣлался чортъ знаетъ что; пфу! непристойно сказать.«

»Хорошо«, сказалъ Дорошъ.

»Какъ только панночка, бывало, взглянетъ на него, то и повода изъ рукъ пускаетъ, Разбоя зоветъ Бровкомъ, спотыкается и ни весть что дѣлаетъ. Одинъ

Digitized by Google

разъ панночка пришла на конюшню, гдѣ онъ чистилъ коня. Дай, говоритъ, Микишка, я положу на тебя свою ножку. А онъ дурень и радъ тому: говоритъ, что не только ножку, но и сама садись на меня. Панночка подняла свою ножку и какъ увидѣлъ онъ ея нагую, полную и бѣлую ножку, то, говоритъ, чара такъ и ошеломила его. Онъ, дурень, нагнулъ спину и схвативши обѣими руками за нагія ея ножки, пошелъ скакать, какъ конь, по всему полю, и куда они ѣздили, онъ ничего не могъ сказать; только ворошился едва живой, и съ той поры изсохнулъ весь, какъ щепка; и когда разъ пришли на конюшню, то вмѣсто его лежала только куча золы, да пустое ведро: сгорѣлъ совсѣмъ; сгорѣлъ самъ собою. А такой былъ псарь, какого на всемъ свѣтѣ не можно найти.«

Когда Спиридъ окончилъ разсказъ свой, со всѣхъ сторонъ пошли толки о достоинствахъ бывшаго псаря.

»А про Шепчику ты не слышалъ?« сказалъ Дорошъ, обращаясь къ Хомѣ.

»Нѣтъ.«

Digitized by Google

»Эге, ге, ге! Такъ у васъ, въ Бурсѣ, видно не слишкомъ большому разуму учатъ. Ну, слушай: у насъ есть на селѣ казакъ Шептунъ. Хорошій казакъ! Онъ любитъ иногда украсть и соврать безъ всякой нужды. Но... хорошій казакъ. Его хата не такъ далеко отсюда. Въ такую самую пору, какъ мы теперь сѣли вечерять, Шептунъ съ жинкою, окончивши вечерю, легли спать и такъ какъ время было хорошее, то Шепчиха легла на дворѣ, а Шептунъ въ хатѣ на лавкѣ; или нѣтъ: Шепчиха въ хатѣ на лавкѣ, а Шептунъ на дворѣ...«

»И не на лавкѣ, а на полу легла Шепчиха«, подхватила баба, стоя у порога и подперши рукою щеку.

Дорошъ поглядѣлъ на нее, потомъ поглядѣлъ внизъ, потомъ опять на нее и, немного помолчавъ, сказалъ: »Когда скину съ тебя при всѣхъ исподницу, то нехорошо будетъ.« Это предостереженіе имѣло свое дѣйствіе. Старуха замолчала и уже ни разу не перебила рѣчи.

Дорошъ продолжалъ: »А въ люлькѣ, висѣвшей среди хаты, лежало годовое

Digitized by Google

дитя — не знаю, мужескаго, или женскаго пола. Шепчиха лежала, а потомъ слышитъ, что за дверью скребется собака и воетъ такъ, хоть изъ хаты бѣги. Она испугалась: ибо бабы такой глупой народъ, что высунь ей подъ вечеръ изъ за дверей языкъ, то и душа войдетъ въ пятки. Однако жъ думаетъ, дай-ка я ударю по мордѣ проклятую собаку, авось-либо перестанетъ выть — и взявши кочергу, вышла отворить дверь. Неуспѣла она немного отворить, какъ собака кинулась промежъ ногъ ея и прямо къ дѣтской люлькѣ. Шепчиха видитъ, что это уже не собака, а панночка. Да притомъ пускай бы уже панночка въ такомъ видѣ, какъ она ее знала — это бы еще ничего; но вотъ вещь и обстоятельство: что она была вся синяя, а глаза горѣли, какъ уголь. Она схватила дитя, прокусила ему горло и начала пить изъ него кровь. Шепчиха только закричала: »охъ, Лишечко!« да изъ хаты. Только видитъ, что въ сѣняхъ двери заперты. Она на чердакъ: сидитъ и дрожитъ глупая баба, а потомъ видитъ, что

Digitized by Google

панночка къ ней идетъ и на чердакъ; кинулась на нее и начала глупую бабу кусать. Уже Шептунъ поутру вытащилъ оттуда свою жинку всю искусанную и посинѣвшую. А на другой день и умерла глупая баба. Такъ вотъ какіе устройства и обольщенія бываютъ! Оно хоть и панскаго помету, да все когда вѣдьма, то вѣдьма.«

Послѣ такого разсказа Дорошъ самодовольно оглянулся и засунулъ палецъ въ свою трубку, приготовляя ее къ набивкѣ табакомъ. Матерія о вѣдьмѣ сдѣлалась неисчерпаемою. Каждый въ свою очередь спѣшилъ что нибудь разсказать. Къ тому вѣдьма въ видѣ скирды сѣна пріѣхала къ самымъ дверямъ хаты; у другаго украла шапку, или трубку; у многихъ дѣвокъ на селѣ отрѣзала косу; у другихъ выпила по нѣскольку вѣдеръ крови.

Наконецъ вся компанія опомнилась и увидѣла, что заболталась уже черезъ чуръ, потому что уже на дворѣ была совершенная ночь. Всѣ начали разбродиться по ночлегамъ, находившимся или на кухнѣ, или въ сараяхъ, или среди двора.

Digitized by Google

»А ну, панъ Хома! теперь и намъ пора идти къ покойницѣ«, сказалъ сѣдой казакъ, обратившись къ Философу, и всѣ четверо, въ томъ числѣ Спиридъ и Дорошъ, отправились въ церковь, стегая кнутами собакъ, которыхъ на улицѣ было великое множество и которыя со злости грызли ихъ палки. Философъ, не смотря на то, что успѣлъ подкрѣпить себя доброю кружкою горѣлки, чувствовалъ втайнѣ подступавшую робость по мѣрѣ того, какъ они приближались къ освѣщенной церкви. Разсказы и странныя исторіи, слышанныя имъ, помогали еще болѣе дѣйствовать его воображенію. Мракъ подъ тыномъ и деревьями начиналъ рѣдѣть; мѣсто становилось обнаженнѣе. Они вступили наконецъ за ветхую церковную ограду въ небольшой дворикъ, за которымъ не было ни деревца и открывалось одно пустое поле, да поглощенные ночнымъ мракомъ луга. Три казака взошли вмѣстѣ съ Хомою по крутой лѣстницѣ на крыльцо и вступили въ церковь. Здѣсь они оставили Философа, пожелавъ

Digitized by Google

ему благополучно отправить свою обязанность, и заперли за нимъ дверь, по приказанію пана.

Философъ остался одинъ. Сначала онъ зѣвнулъ, потомъ потянулся, потомъ фукнулъ въ обѣ руки и наконецъ уже обсмотрѣлся. По срединѣ стоялъ черный гробъ. Свѣчи теплились предъ темными образами. Свѣтъ отъ нихъ освѣщалъ только иконостасъ и слегка середину церкви. Отдаленные углы притвора были закутаны мракомъ. Высокій старинный иконостасъ уже показывалъ глубокую ветхость; сквозная рѣзьба его, покрытая золотомъ, еще блестѣла одними только искрами. Позолота въ одномъ мѣстѣ опала, въ другомъ вовсе почернѣла; лики Святыхъ, совершенно потемнѣвшія, глядѣли какъ-то мрачно. Философъ еще разъ обсмотрѣлся. »Что жъ,« сказалъ онъ: »чего тутъ бояться? Человѣкъ придти сюда не можетъ, а отъ мертвецовъ и выходцевъ изъ того свѣта есть у меня молитвы, такія, что какъ прочитаю, то они меня и пальцемъ не тронутъ. Ничего!« повторилъ онъ

Digitized by Google

махнувъ рукою: »будемъ читать.« Подходя къ крылосу, увидѣлъ онъ нѣсколько связокъ свѣчей. »Это хорошо,« подумалъ Философъ: »нужно освѣтить всю церковь, такъ, чтобы видно было, какъ днемъ. Эхъ жаль, что во храмѣ Божіемъ не можно люльки выкурить!« И онъ принялся прилѣпливать восковыя свѣчи ко всѣмъ карнизамъ, налоямъ и образамъ, не жалѣя ихъ ни мало, и скоро вся церковь наполнилась свѣтомъ. Вверху только мракъ сдѣлался какъ будто сильнѣе и мрачные образа глядѣли угрюмѣй изъ старинныхъ рѣзныхъ рамъ, кое-гдѣ сверкавшихъ позолотой. Онъ подошелъ ко гробу, съ робостію посмотрѣлъ въ лице умершей и не могъ не зажмурить, нѣсколько вздрогнувши, своихъ глазъ:

Такая страшная, сверкающая красота!

Онъ отворотился и хотѣлъ отойти; но по странному любопытству, по странному поспечивающему себѣ чувству, неоставляющему человѣка, особенно во время страха, онъ не утерпѣлъ, уходя, взглянуть на нее и потомъ, ощутивши тотъ же

Digitized by Google

трепетъ, взглянулъ еще разъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣзкая красота усопшей казалась страшною. Можетъ быть даже она не поразила бы такимъ паническимъ ужасомъ, если бы была нѣсколько безобразнѣе. Но въ ея чертахъ ничего не было тусклаго, мутнаго, умершаго. Оно было живо, и Философу казалось, какъ будто бы она глядитъ на него закрытыми глазами. Ему даже показалось, какъ будто изъ подъ рѣсницы праваго глаза ея покатилась слеза, и когда она остановилась на щекѣ, то онъ различилъ ясно, что это была капля крови.

Онъ поспѣшно отошелъ къ крылосу, развернулъ книгу и, чтобы болѣе ободрить себя, началъ читать самымъ громкимъ голосомъ. Голосъ его поразилъ церковныя деревянныя стѣны, давно молчаливыя и оглохлыя. Одиноко, безъ эха, сыпался онъ густымъ басомъ въ совершенно мертвой тишинѣ и казался нѣсколько дикимъ даже самому чтецу. » Чего бояться? « думалъ онъ между тѣмъ самъ про себя. » Вѣдь она не встанетъ изъ своего гроба, потому что побоится Божьяго слова.

Digitized by Google

Пусть лежитъ! Да и что я за казакъ, когда бы устрашился? Ну, выпилъ лишнее — отъ того и показывается страшно. А понюхать табаку: эхъ, доброй табакъ! Славный табакъ! Хорошій табакъ!« Однако же, перелистывая каждую страницу, онъ посматривалъ изкоса на гробъ и невольное чувство, казалось, шептало ему: вотъ, вотъ встанетъ! вотъ поднимется, вотъ выглянетъ изъ гроба!

Но тишина была мертвая. Гробъ стоялъ неподвижно. Свѣчи лили цѣлый потопъ свѣта. Страшна освѣщенная церковь ночью, съ мертвымъ тѣломъ и безъ души людей!

Возвыся голосъ, онъ началъ пѣть на разные голоса, желая заглушить остатки боязни. Но чрезъ каждую минуту обращалъ глаза свои на гробъ, какъ будто бы задавая невольный вопросъ: »Что, если подымется, если встанетъ она?«

Но гробъ не шелохнулся. Хоть бы какой нибудь звукъ, какое нибудь живое существо, даже сверчекъ отозвался въ углу. Чуть только слышался легкій трескъ

Digitized by Google

какой нибудь отдаленной свѣчки, или слабый, слегка хлопнувшій, звукъ восковой капли, падавшей на полъ. »Ну, если подымется?...«

Она приподняла голову....

Онъ дико взглянулъ и протеръ глаза. Но она точно уже не лежитъ, а сидитъ въ своемъ гробѣ. Онъ отвелъ глаза свои и опять съ ужасомъ обратилъ на гробъ. Она встала... идетъ по церкви съ закрытыми глазами, безпрестанно расправляя руки, какъ бы желая поймать кого нибудь.

Она идетъ прямо къ нему. Въ страхѣ очертилъ онъ около себя кругъ. Съ усиліемъ началъ читать молитвы и произноситъ заклинанія, которымъ научилъ его одинъ монахъ, видѣвшій всю жизнь свою вѣдьмъ и нечистыхъ духовъ.

Она стала почти на самой чертѣ; но видно было, что не имѣла силъ переступить ее, и вся посинѣла, какъ человѣкъ, уже нѣсколько дней умершій. Хома не имѣлъ духа взглянуть на ее. Она была страшна. Она ударила зубами въ зубы и

Digitized by Google

открыла мертвыя глаза свои. Но не видя ничего, съ бѣшенствомъ — что выразилось задрожавшее лице — обратилась въ другую сторону и, распростерши руки, обхватывала ими каждый столпъ и уголъ. Наконецъ остановилась, погрозивъ пальцемъ и легла въ свой гробъ.

Философъ все еще не могъ придти въ себя и со страхомъ поглядывалъ на это тѣсное жилище вѣдьмы. Наконецъ гробъ вдругъ сорвался съ своего мѣста и со свистомъ началъ летать по всей церкви, крестя во всѣхъ направленіяхъ воздухъ. Философъ видѣлъ его почти надъ головою, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что онъ не могъ зацѣпить круга, имъ начерченнаго, и усилилъ свои заклинанія. Гробъ грянулся на срединѣ церкви и остался неподвижнымъ. Трупъ опять поднялся синій, позеленѣвшій. Мертвыя губы, казалось, что-то произносили и шевелились. Трупъ глухо топнулъ своею мягкою, почти безъ костей, ногою о полъ — и церковь вздрогнула. Онъ услышалъ, какъ будто что-то налегло на нее и сквозь стекла оконъ на-

Digitized by Google

чали показываться какіе-то безобразные образы. Но въ это время послышался отдаленный крикъ пѣтуха. Трупъ упалъ въ гробъ.

Сердце у Философа билось и потъ катился градомъ; но ободренный пѣтушьимъ крикомъ, онъ дочитывалъ быстрѣе листы, которые долженъ былъ прочесть прежде. При первой зарѣ пришли смѣнить его: дьячекъ и сѣдой Явтухъ, который на тотъ разъ отправлялъ должность церковнаго старосты.

Пришедши на отдаленный ночлегъ, Философъ долго не могъ заснуть, но усталость одолѣла и онъ проспалъ до обѣда. Когда онъ проснулся, все ночное событіе казалось ему происходившимъ во снѣ. Ему дали для подкрѣпленія силъ кварту горѣлки. За обѣдомъ онъ скоро развязался, присовокупилъ кое къ чему замѣчанія и съѣлъ почти одинъ довольно стараго поросенка; но однако же о своемъ событіи въ церкви онъ не рѣшался говорить по какому-то безотчетному для него самаго чувству, и на вопросы любопытныхъ от-

Digitized by Google

вѣчалъ: »да, были всякія чудеса.« Философъ былъ однимъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ если накормятъ, то у нихъ пробуждается необыкновенная филантропія. Онъ, лежа съ своей трубкой въ зубахъ, глядѣлъ на всѣхъ необыкновенно сладкими глазами и безпрерывно поплевывалъ въ сторону.

Послѣ обѣда Философъ былъ совершенно въ духѣ. Онъ успѣлъ обходить все селеніе, перезнакомиться почти со всѣми; изъ двухъ хатъ его даже выгнали; одна смазливая молодка хватила его порядочно лопатой по спинѣ, когда онъ вздумалъ было пощупать и полюбопытствовать изъ какой матеріи у нее была сорочка и плахта. Но чѣмъ болѣе время близилось къ вечеру, тѣмъ болѣе становился Философъ задумчивѣе и пасмурнѣе. За часъ до ужина вся почти дворня собиралась играть въ кашу, или въ крагли, родъ кеглей, гдѣ вмѣсто шаровъ употребляются длинныя палки, и выигравшій имѣлъ право проѣзжаться на другомъ верхомъ. Эта игра становилась очень интересною для зри-

Digitized by Google

шелей: часто погонщикъ, широкій какъ блинъ, взлѣзалъ верхомъ на свинаго пастуха, щедушнаго, низенькаго, всего состоявшаго изъ морщинъ. Въ другой разъ погонщикъ подставлялъ свою спину и Дорошъ, вскочивши на нее, всегда говорилъ: »экой здоровой быкъ!« У порога кухни сидѣли тѣ, которые были посолиднѣе. Они глядѣли чрезвычайно сурьезно, куря люльки, даже и тогда, когда молодежъ отъ души смѣялась какому нибудь острому слову погонщика, или Спирида. Хома напрасно старался вмѣшаться въ эту игру: какая-то темная мысль какъ гвоздь сидѣла въ его головѣ. За вечерей сколько ни старался онъ развеселить себя, но страхъ загорался въ немъ вмѣстѣ съ тмою, распростиравшеюся по небу.

»А ну, пора намъ, панъ Бурсакъ!« сказалъ ему знакомый сѣдой казакъ, подымаясь съ мѣста вмѣстѣ съ Дорошемъ, »пойдемъ на работу.« Хому опять такимъ же самымъ образомъ отвели въ церковь; опять оставили его одного и заперли за нимъ дверь. Какъ только онъ остался одинъ,

Digitized by Google

робость начала внѣдряться снова въ его грудь. Онъ опять увидѣлъ темные образа, блестящія рамы и знакомый черный гробъ, стоявшій въ угрожающей тишинѣ и неподвижности среди церкви.

»Что жъ,« произнесъ онъ: »теперь вѣдь мнѣ не въ диковинку это диво. Оно съ перваго раза только страшно. Да! оно только съ перваго раза немного страшно, а тамъ оно уже не страшно; оно уже совсѣмъ не страшно.«

Онъ поспѣшно сталъ на крылосъ, очертилъ около себя кругъ, произнесъ нѣсколько заклинаній и началъ читать громко, рѣшаясь не подымать съ книги своихъ глазъ и не обращать вниманія ни на что. Уже около часа читалъ онъ и начиналъ нѣсколько уставать и покашливать. Онъ вынулъ изъ кармана рожокъ и прежде, нежели поднесъ его къ носу, робко повелъ глазами на гробъ. Сердце его захолонуло;

Трупъ уже стоялъ передъ нимъ на самой чертѣ и вперилъ на него мертвые, позеленѣвшіе глаза. Бурсакъ содрогнулся и холодъ чувствительно пробѣжалъ

Digitized by Google

по всѣмъ его жиламъ. Онъ, потупивъ голову, продолжалъ заклинанія и слышалъ, какъ трупъ опять ударилъ зубами и началъ махать рукой, желая схватить его. Возведши робкій взглядъ на него, онъ замѣтилъ, что онъ ловилъ совершенно не тамъ, гдѣ онъ стоялъ и что трупъ не могъ его видѣть. Неуспѣхъ, казалось, приводилъ мертвую въ бѣшенство. Она хлопнула зубами и, ставши на середину, опять топнула своею ногой. Этотъ стукъ раздался совершенно беззвучно; уста ея искривились и, казалось, произносили какіе-то невнятные слова. И Философъ услышалъ, что стѣны церкви какъ будто заныли. Странный ропотъ и пронзительный визгъ раздался надъ глухими сводами; въ стѣнахъ оконъ слышалось какое-то отвратительное царапанье и вдругъ сквозь окна и двери посыпалось съ шумомъ множество гномовъ, въ такихъ чудовищныхъ образахъ, въ какихъ еще не представлялось ему ничто, даже во снѣ. Онъ увидѣлъ вдругъ такое множество отвратительныхъ крылъ, ногъ и членовъ, какихъ

Digitized by Google

не въ силахъ бы былъ разобрать обхваченный ужасомъ наблюдатель! Выше всѣхъ возвышалось странное существо въ видѣ правильной пирамиды, покрытое слизью. Вмѣсто ногъ у него были внизу съ одной стороны половина челюсти, съ другой другая; вверху, на самой верхушкѣ этой пирамиды высовывался безпрестанно длинный языкъ и безпрерывно ломался на всѣ стороны. На противуположномъ крылосѣ усѣлось бѣлое, широкое, съ какими-то отвисшими до полу бѣлыми мѣшками, вмѣсто ногъ; вмѣсто рукъ, ушей, глазъ висѣли такіе же бѣлые мѣшки. Немного далѣе возвышалось какое-то черное, все покрытое чешуею, со множествомъ тонкихъ рукъ, сложенныхъ на груди, и вмѣсто головы вверху у него была синяя человѣческая рука. Огромный, величиною почти съ слона, тараканъ остановился у дверей и просунулъ свои усы. Съ вершины самаго купола со стукомъ грянулось на средину церкви какое-то черное, все состоявшее изъ однихъ ногъ; эти ноги бились по полу и выгибались, какъ будто бы чудовище же-

Digitized by Google

лало подняться. Одно какое-то красновато-синее, безъ рукъ, безъ ногъ, протягивало на далекое пространство два своихъ хобота и какъ будто искало кого-то. Множество другихъ, которыхъ уже не могъ различить испуганный глазъ, ходили, летали и ползали въ разныхъ направленіяхъ: одно состояло только изъ головы, другое изъ отвратительнаго крыла, летавшаго съ какимъ-то нестерпимымъ шипѣніемъ. Хома зажмурилъ глаза и не имѣлъ духу уже взглянуть. Онъ слышалъ только, что весь этотъ сонмъ ищетъ его и прерывающимся голосомъ, собравъ все, что только зналъ, читалъ свои заклинанія. Потъ ужаса выступилъ на его лице. Ему казалось, что онъ умретъ отъ одного только страха, когда нога какого нибудь изъ этихъ чудовищъ прикоснется до него отвратительною своею наружностью. Уже онъ видѣлъ, какъ одно изъ чудовищъ протянуло свои длинные хоботы и уже одинъ изъ нихъ проникнулъ за черту . . . Боже. . . Но крикнулъ пѣтухъ: все вдругъ поднялось и полетѣло сквозь двери и окна.

Digitized by Google

Вошедшіе смѣнить Философа, нашли его едва жива. Онъ оперся спиною въ стѣну выпуча глаза и глядѣлъ неподвижно на казаковъ. Его почти вывели и должны были поддерживать во всю дорогу. Пришедши на панскій дворъ, онъ встряхнулся и велѣлъ себѣ подать кварту горѣлки. Выпивши ее, онъ пригладилъ на головѣ своей волосы и сказалъ: »Много на свѣтѣ всякой дряни водится! А страхи такіе случаются — ну . . . « при этомъ Философъ махнулъ рукою.

Собравшійся возлѣ него кружокъ потупилъ голову, услышавъ такія слова. Даже небольшой мальчишка, котораго вся дворня почитала въ правѣ уполномочивать вмѣсто себя, когда дѣло шло къ тому, чтобы чистить конюшни или таскать воду, даже этотъ бѣдный мальчишка тоже разинулъ ротъ.

Въ это время проходила мимо еще не совсѣмъ пожилая бабенка въ плотно обтянутой запаскѣ, выказывавшей ея круглый и крѣпкій станъ, помощница старой кухарки, кокетка страшная, которая всегда

Digitized by Google

находила что нибудь пришпилить къ своему очипку: или кусокъ ленточки, или гвоздику, или даже бумажку, если не было чего нибудь другаго.

»Здравствуй, Хома!« сказала она, увидѣвъ Философа. »Ай, ай, ай! что это съ тобою?« вскрикнула она, всплеснувъ руками.

»Какъ что, глупая баба?«

»Ахъ, Боже мой, да ты весь посѣдѣлъ!«

»Эге, ге! Да она правду говоритъ!« произнесъ Спиридъ, всматриваясь въ него пристально. Ты точно посѣдѣлъ, какъ нашъ старый Явтухъ.«

Философъ, услышавши это, побѣжалъ опромѣтью въ кухню, гдѣ онъ замѣтилъ прилѣпленный къ стѣнѣ, обпачканной мухами, треугольный кусокъ зеркала, передъ которымъ были натыканы незабудки, барвинки, и даже гирлянда изъ нагидокъ, показывавшіе назначеніе его для туалета щеголеватой кокетки. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ истинну ихъ словъ: половина волосъ его точно побѣлѣла.

Digitized by Google

Повѣсилъ голову Хома Брутъ и предался размышленію. »Пойду къ пану,« сказалъ онъ наконецъ: »разскажу ему все и объясню, что больше не хочу читать. Пусть отправляетъ меня сей же часъ въ Кіевъ.« Въ такихъ мысляхъ направилъ онъ путь свой къ крыльцу панскаго дома.

Сотникъ сидѣлъ почти неподвиженъ въ своей свѣтлицѣ; та же самая безнадежная печаль, какую онъ встрѣтилъ прежде на его лицѣ, сохранялась въ немъ и донынѣ. Щеки его опали только гораздо болѣе прежняго. Замѣтно было, что онъ очень мало употреблялъ пищи, или можетъ быть даже вовсе не касался ее. Необыкновенная блѣдность придавала ему какую-то каменную неподвижность.

»Здравствуй, Небоже!« произнесъ онъ, увидѣвъ Хому остановившагося съ шапкою въ рукахъ у дверей. »Что, какъ идетъ у тебя? Все благополучно?«

»Благополучно-то, благополучно. Такая чертовщина водится, что прямо бери шапку, да и улепетывай куда ноги несутъ.«

Digitized by Google

» Какъ такъ? «

» Да ваша, панъ, дочка... По здравому разсужденію она, конечно, есть панскаго роду: въ томъ никто не станетъ прекословить; только, не во гнѣвъ будь сказано, упокой Богъ ея душу... «

» Что же дочка? «

» Припустила къ себѣ сатану. Такіе страхи задаетъ, что никакое писаніе не учитывается. «

» Читай, читай! Она не даромъ призвала тебя. Она забошилась, голубонька моя, о душѣ своей и хотѣла молитвами изгнать всякое дурное помышленіе. «

» Власть ваша, панъ: ей Богу, не въ моготу! «

» Читай, читай! « продолжалъ тѣмъ же увѣщательнымъ голосомъ Сотникъ. » Тебѣ одна ночь теперь осталась. Ты сдѣлаетъ Христіанское дѣло и я награжу тебя. «

» Да какія бы ни были награды... Какъ ты себѣ хочь, панъ, а я не буду читать! « произнесъ Хома рѣшительно.

» Слушай, Философъ! « сказалъ Сотникъ и голосъ его сдѣлался крѣпокъ и

Digitized by Google

грозенъ: »я не люблю этихъ выдумокъ. Ты можешъ это дѣлать въ вашей Бурсѣ, а у меня не такъ: я уже какъ отдеру, такъ не то, что Ректоръ. Знаешь ли ты, что такое хорошіе кожанные канчуки?«

»Какъ не знать!« сказалъ Философъ, понизивъ голосъ. »Всякому извѣстно, что такое кожанные канчуки; при большомъ количествѣ вещь нестерпимая.«

»Да. Только ты не знаешъ еще какъ хлопцы мои умѣютъ парить!« сказалъ Сотникъ грозно, подымаясь на ноги, и лице его приняло повелительное и свирѣпое выраженіе, обнаружившее весь необузданный его характеръ, усыпленный только на время горестью. »У меня прежде выпарятъ, потомъ вспрыснутъ горѣлкою, а послѣ опять. Ступай, ступай! исправляй свое дѣло. Не исправишъ — не встанешъ; а исправишъ — тысяча червонныхъ!«

»Ого, го! да это хватъ«, подумалъ Философъ, выходя. »Съ этимъ нѣчего шутить. Стой! стой, пріятель: я такъ

Digitized by Google

навострю лыжи, что ты съ своими собаками не угонишься за мною.«

И Хома положилъ непремѣнно бѣжать. Онъ выжидалъ только послѣобѣденнаго часу, когда вся дворня имѣла обыкновеніе забираться въ сѣно подъ сараями и открывши ротъ испускать такой храпъ и свистъ, что панское подворье дѣлалось похожимъ на фабрику. Это время наконецъ настало. Даже и Явтухъ зажмурилъ глаза, растянувшись передъ солнцемъ. Философъ со страхомъ и дрожью отправился потихоньку въ панскій садъ, откуда ему казалось удобнѣе и незамѣтнѣе было бѣжать въ поле. Этотъ садъ, по обыкновенію, былъ страшно запущенъ и стало быть чрезвычайно способствовалъ всякому тайному предпріятію. Выключая только одной дорожки, протоптанной по хозяйственной надобности, все прочее было скрыто густо разросшимися вишнями, бузиною, лопухомъ, просунувшими на самый верхъ свои высокіе стебли съ цѣпкими розовыми шишками. Хмѣль покрывалъ, какъ будто сѣтью, вершину всего этого

Digitized by Google

пестраго собранія деревъ и кустарниковъ и составлялъ надъ ними крышу, напялившуюся на плетень и спадавшею съ него вьющимися змѣями вмѣстѣ съ дикими полевыми колокольчиками. За плетнемъ, служившимъ границею сада, шелъ цѣлый лѣсъ бурьяна, въ который, казалось, никто не любопытствовалъ заглядывать и коса разлетѣлась бы въ дребезги, если бы захотѣла коснуться лезвѣемъ своимъ одеревянѣвшихъ толстыхъ стеблей его. Когда Философъ хотѣлъ перешагнуть плетень, зубы его стучали и сердце такъ сильно билось, что онъ самъ испугался. Пола его длинной хламиды, казалось, прилипала къ землѣ, какъ будто ее кто приколотилъ гвоздемъ. Когда онъ переступалъ плетень, ему казалось съ оглушительнымъ свистомъ трещалъ въ уши какой-то голосъ: »Куда, куда?« Философъ юркнулъ въ бурьянъ и пустился бѣжать, безпрестанно оступаясь о старые корни и давя ногами своими крошовъ. Онъ видѣлъ, что ему выбравшись изъ бурьяна стоило перебѣжать поле, за которымъ чернѣлъ густой шер-

Digitized by Google

новникъ, гдѣ онъ считалъ себя безопаснымъ и пройдя который онъ по предположенію своему думалъ встрѣтить дорогу прямо въ Кіевъ. Поле онъ перебѣжалъ вдругъ и очутился въ густомъ терновникѣ. Сквозь терновникъ онъ пролѣзъ оставивъ, вмѣсто пошлины, куски своего сюртука на каждомъ остромъ шипѣ и очутился на небольшой лощинѣ. Верба раздѣлившимися вѣтвями преклонялась индѣ почти до самой земли. Небольшой источникъ сверкалъ чистый, какъ серебро. Первое дѣло Философа было прилечь и напиться, потому что онъ чувствовалъ жажду нестерпимую. »Добрая вода!« сказалъ онъ, утирая губы. »Тутъ бы можно отдохнуть.«

»Нѣтъ, лучше побѣжимъ впередъ: неравно будетъ погоня!«

Эти слова раздались у него надъ ушами. Онъ оглянулся: передъ нимъ стоялъ Явтухъ.

»Чортовъ Явтухъ!« подумалъ въ сердцахъ про себя Философъ. »Я бы взялъ тебя, да за ноги... И мерзскую рожу

Digitized by Google

швою и все, что ни есть на тебѣ, побилъ бы дубовымъ бревномъ.«

»Напрасно далъ ты такой крюкъ:« продолжалъ Явтухъ: »гораздо лучше выбрать ту дорогу, по какой шелъ я: прямо мимо конюшни. Да притомъ и сюртука жаль. А сукно хорошее. Почемъ платилъ за аршинъ? Однакожъ погуляли довольно: пора и домой.«

Философъ, почесываясь, побрелъ за Явтухомъ. »Теперь проклятая вѣдьма задастъ мнѣ пфейферу!«, подумалъ онъ. »Да впрочемъ, что я въ самомъ дѣлѣ? Чего боюсь? Развѣ я не казакъ? Вѣдь читалъ же двѣ ночи, поможетъ Богъ и третью. Видно проклятая вѣдьма порядочно грѣховъ надѣлала, что нечистая сила такъ за нее стоитъ.« Такія размышленія занимали его, когда онъ вступалъ на панскій дворъ. Ободривши себя такими замѣчаніями, онъ упросилъ Дороша, который посредствомъ протекціи ключника имѣлъ иногда входъ въ панскіе погреба, вытащить сулею сивухи и оба пріятеля, сѣвши подъ сараемъ, вытянули немного не полведра, такъ что Философъ, вдругъ поднявшись на ноги,

Digitized by Google

закричалъ: »Музыкантовъ! непремѣнно музыкантовъ!« и, недождавшись музыкантовъ, пустился среди двора на расчищенномъ мѣстѣ отплясывать трепака. Онъ танцовалъ до тѣхъ поръ, пока не наступило время полдника и дворня, обступившая его, какъ водится въ такихъ случаяхъ, въ кружокъ, наконецъ плюнула и пошла прочь, сказавши: »Вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ!« Наконецъ Философъ тутъ же легъ спать и добрый ушатъ холодной воды могъ только пробудить его къ ужину. За ужиномъ онъ говорилъ о томъ, что такое казакъ, и что онъ не долженъ бояться ничего на свѣтѣ.

»Пора,« сказалъ Явтухъ: »пойдемъ.«

»Спичка тебѣ въ языкъ, проклятый кнуръ!« подумалъ Философъ и вставъ на ноги, сказалъ: »Пойдемъ!«

Идя дорогою Философъ безпрестанно поглядывалъ по сторонамъ и слегка заговаривалъ съ своими провожатыми. Но Явтухъ молчалъ; самъ Дорошъ былъ неразговорчивъ. Ночь была адская. Волки выли

Digitized by Google

вдали цѣлою стаей. И самый лай собачій былъ какъ-то страшенъ.

»Кажется, какъ будто что-то другое воетъ: это не волкъ«, сказалъ Дорошъ. Явтухъ молчалъ. Философъ не нашелся сказать ничего.

Они приближились къ церкви и вступили подъ ея вѣтхіе деревянные своды, показывавшіе, какъ мало заботился владѣтель помѣстья о Богѣ и о душѣ своей. Явтухъ и Дорошъ, по прежнему, удалились и Философъ остался одинъ. Все было также. Все было въ томъ же самомъ грозно-знакомомъ видѣ. Онъ минуту остановился. По серединѣ все также неподвижно стоялъ гробъ ужасной вѣдьмы. »Не побоюсь, ей Богу не побоюсь!« сказалъ онъ и, очертивши по прежнему около себя кругъ, началъ припоминать всѣ свои заклинанія. Тишина была страшная; свѣчи трепетали и обливали свѣтомъ всю церковь. Философъ перевернулъ одинъ листъ, потомъ перевернулъ другой и замѣтилъ, что онъ читаетъ совсѣмъ не то, что писано въ книгѣ. Со страхомъ перекрестился онъ и началъ

Digitized by Google

нѣть. Это нѣсколько ободрило его: чтеніе пошло впередъ и листы мелькали одинъ за другимъ. Вдругъ... среди тишины... онъ слышитъ опять отвратительное царапанье, свистъ, шумъ и звонъ въ окнахъ. Съ робостію зажмурилъ онъ глаза и прекратилъ на время чтеніе. Не отворяя глазъ, онъ слышалъ, какъ вдругъ грянуло объ полъ цѣлое множество, сопровождаемое разными стуками глухими, звонкими, мягкими, визгливыми. Немного приподнялъ онъ глазъ свой и съ поспѣшностію закрылъ опять: ужасъ!.. это были всѣ вчерашніе гномы; разница въ томъ, что онъ увидѣлъ между ими множество новыхъ. Почти насупротивъ его стояло высокое, котораго черный скелетъ выдвинулся на поверхность и сквозь темныя ребра его мелькало желтое тѣло. Въ сторонѣ стояло тонкое и длинное, какъ палка, состоявшее изъ однихъ только глазъ съ рѣсницами. Далѣе занимало почти всю стѣну огромное чудовище и стояло въ перепутанныхъ волосахъ, какъ будто въ лѣсу. Сквозь сѣть волосъ этихъ глядѣли два

Digitized by Google

ужасные глаза. Со страхомъ глянулъ онъ вверхъ: надъ нимъ держалось въ воздухѣ что-то въ видѣ огромнаго пузыря съ тысячью протянутыхъ изъ середины клещей и скорпіонныхъ жалъ. Чорная земля висѣла на нихъ клоками. Съ ужасомъ потупилъ онъ глаза свои въ книгу. Гномы подняли шумъ чешуями отвратительныхъ хвостовъ своихъ, когтистыми ногами и визжавшими крыльями, и онъ слышалъ только, какъ они искали его во всѣхъ углахъ. Это выгнало послѣдній остатокъ хмѣля, еще бродившій въ головѣ Философа. Онъ ревностно началъ читать свои молитвы. Онъ слышалъ ихъ бѣшенство при видѣ невозможности найти его. »Что, если«, подумалъ онъ вздрогнувъ: »вся эта вагага обрушится на меня?...«

»За Віемъ! пойдемъ за Віемъ!« закричало множество странныхъ голосовъ, и ему казалось, какъ будто часть гномовъ удалилась. Однако же онъ стоялъ съ зажмуренными глазами и не рѣшался взглянуть ни на что.

Digitized by Google

»Вій! Вій!« зашумѣли всѣ; волчій вой послышался вдали и едва, едва отдѣлялъ лаянье собакъ. Двери съ визгомъ растворились и Хома слышалъ только, какъ всыпались цѣлыя толпы. И вдругъ настала тишина, какъ въ могилѣ. Онъ хотѣлъ открыть глаза; но какой-то угрожающій тайный голосъ говорилъ ему: »эй, не гляди!« Онъ показалъ усиліе... По непостижимому, можетъ быть происшедшему изъ самаго страха, любопытству глазъ его нечаянно отворился:

Передъ нимъ стоялъ какой-то образъ человѣческій исполинскаго роста. Вѣки его были опущены до самой земли. Философъ съ ужасомъ замѣтилъ, что лице его было желѣзное и устремилъ загорѣвшіяся глаза свои снова въ книгу.

»Подымите мнѣ вѣки!« сказалъ подземнымъ голосомъ Вій — и все сонмище кинулось подымать ему вѣки. »Не гляди!« шепнуло какое-то внутреннее чувство Философу. Онъ неутерпѣлъ и глянулъ:

Двѣ чорныя пули глядѣли прямо на него. Желѣзная рука поднялась и уставила

Digitized by Google

на него палецъ: »Вонъ онъ!« произнесъ Вій — и все, что ни было, всѣ отвратительныя чудища разомъ бросились на него... бездыханный, онъ грянулся на землю... Пѣшухъ пропѣлъ уже во второй разъ. Первую пѣснь его прослышали гномы. Все скопище поднялось улетѣть, но не тутъ-то было: они всѣ остановились и завязнули въ окнахъ, въ дверяхъ, въ куполѣ, въ углахъ и остались неподвижны... Въ это время дверь отворилась и вошелъ Священникъ, прибывшій изъ отдаленнаго селенія для совершенія панихиды и погребенія умершей. Съ ужасомъ отступилъ онъ, увидѣвши такое посрамленіе святыни и не посмѣлъ произносить въ ней слова Божьяго.

И съ тѣхъ поръ такъ все и осталось въ той церквѣ. Завязнувшіе въ окнахъ чудища тамъ и понынѣ. Церковь поросла мохомъ, обшилась лѣсомъ, пустившимъ корни по стѣнамъ ея; никто не входилъ туда и не знаетъ, гдѣ и въ какой сторонѣ она находится.

Digitized by Google

Когда слухи объ этомъ дошли до Кіева и Богословъ Халява услышалъ наконецъ о такой участи Философа Хомы, то предался цѣлый часъ раздумью. Съ нимъ въ продолженіе того времени произошли большія перемѣны. Счастіе ему улыбнулось: по окончаніи курса наукъ его сдѣлали звонаремъ самой высокой колокольни и онъ всегда почти являлся съ разбитымъ носомъ, потому что деревянная лѣстница на колокольню была чрезвычайно безалаберно сдѣлана.

»Ты слышалъ, что случилось съ Хомою?« сказалъ подошедши къ нему Тиберій Горобецъ, который въ то время былъ уже Философъ и носилъ свѣжія усы.

»Такъ ему Богъ далъ«, сказалъ звонарь Халява. »Пойдемъ въ шинокъ, да помянемъ его душу!«

Молодой Философъ, который съ жаромъ энтузіаста началъ пользоваться своими правами такъ, что на немъ и шаровары, и сюртукъ, и даже шапка отзывались спиртомъ и табачными корешками, въ ту же минуту изъявилъ готовность.

Digitized by Google

»Славный былъ человѣкъ Хома!« сказалъ звонарь, когда хромой шинкарь поставилъ передъ нимъ третью кружку. »Знатный былъ человѣкъ! А пропалъ ни за что.«

»А я знаю почему пропалъ онъ: отъ того, что побоялся. А если бы не боялся, то бы вѣдьма ничего не могла съ нимъ сдѣлать. Нужно только перекрестившись плюнуть на самый хвостъ ей, то и ничего не будетъ. Я знаю уже все это. Вѣдь у насъ въ Кіевѣ всѣ бабы, которые сидятъ на базарѣ — всѣ вѣдьмы.«

На это звонарь кивнулъ головою въ знакъ согласія. Но замѣтивши, что языкъ его не могъ произнести ни одного слова, онъ осторожно всталъ изъ за стола и пошатываясь на обѣ стороны, пошелъ спрятаться въ самое отдаленное мѣсто въ бурьянѣ. Причемъ не позабылъ, по прежней привычкѣ своей, утащить старую подошву отъ сапога, валявшуюся на лавкѣ.

Погрѣшность.

Въ сей повѣсти, по неосмотрительности, пропущена половина страницы, объясняющая какимъ образомъ Бурсакъ узналъ въ Сопниковой дочери вѣдьму, приходившую къ нему въ видѣ старухи.

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ

О ТОМЪ, КАКЪ ПОССОРИЛСЯ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ СЪ ИВАНОМЪ НИКИФОРОВИЧЕМЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА I.

—

Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ.

—

Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнѣйшая! А какія смушки! Фу ты пропасть, какія смушки! сизыя съ морозомъ! Я ставлю Богъ знаетъ что, если у кого либо найдутся такія! Взгляните ради Бога на нихъ, особенно, если онъ станетъ съ кѣмъ нибудь говорить, взгляните съ боку: что это за объяденіе! Описать

Digitized by Google

нельзя: бархатъ! серебро! огонь! Господи Боже мой! Николай Чудотворецъ, Угодникъ Божій! отъ чего же у меня нѣтъ такой бекеши! Онъ сшилъ ее тогда еще, когда Агафія Ѳедосѣевна не ѣздила въ Кіевъ. Вы знаете Агафію Ѳедосѣевну? та самая, что откусила ухо у засѣдателя. Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Какой у него домъ въ Миргородѣ! Вокругъ него со всѣхъ сторонъ навѣсъ на дубовыхъ столбахъ, подъ навѣсомъ вездѣ скамейки. Иванъ Ивановичъ, когда сдѣлается слишкомъ жарко, скинетъ съ себя и бекешу и исподнее, самъ останется въ одной рубашкѣ и отдыхаетъ подъ навѣсомъ и глядитъ, что дѣлается во дворѣ и на улицѣ. Какія у него яблони и груши подъ самыми окнами! Отворите только окно — такъ вѣтви и врываются въ комнату. Это все передъ домомъ; а посмотрѣли бы, что у него въ саду! Чего тамъ нѣтъ? Сливы, вишни, черешни, огородина всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница. Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Онъ очень любитъ дыни.

Digitized by Google

Это его любимое кушанье. Какъ только отобѣдаетъ и выйдетъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсъ, сейчасъ приказываетъ Гапкѣ принести двѣ дыни. И уже самъ разрѣжетъ, соберетъ сѣмена въ особую бумажку, и начнетъ кушать. Потомъ велитъ Гапкѣ принести чернильницу, и самъ, собственною рукою, сдѣлаетъ надпись надъ бумажкою съ сѣменами: сія дыня съѣдена такого-то числа. Если при этомъ былъ какой нибудь гость, то: участвовалъ такой-то. Покойный судья Миргородскій всегда любовался глядя на домъ Ивана Ивановича. Да, домишко очень не дуренъ. Мнѣ нравится, что къ нему со всѣхъ сторонъ пристроены сѣни и сѣнички, такъ что если взглянуть на него издали, то видны однѣ только крыши, посаженныя одна на другую, что весьма походитъ на тарелку, наполненную блинами, а еще лучше на губки, наростающія на деревѣ. Впрочемъ, крыши всѣ крыты очеретомъ; ива, дубъ и двѣ яблони облокотились на нихъ своими раскидистыми вѣтьвями. Промежъ деревъ мелькаютъ и выбѣгаютъ

Digitized by Google

даже на улицу небольшія окошки съ рѣзными выбѣленными ставнями. Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Его знаетъ и комисаръ Полтавскій! Дорогъ Тарасовичъ Пухивочка когда ѣдетъ изъ Хорола, то всегда заѣзжаетъ къ нему. А Протопопъ Отецъ Петръ, что живетъ въ Колибердѣ, когда соберется у него человѣкъ гостей, всегда говоритъ, что онъ никого не знаетъ, кто бы такъ исполнялъ долгъ Христіанскій и умѣлъ жить, какъ Иванъ Ивановичъ. Боже, какъ летитъ время! уже тогда прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ онъ овдовѣлъ. Дѣтей у него не было. У Гапки есть дѣти и бѣгаютъ часто по двору. Иванъ Ивановичъ всегда даетъ каждому изъ нихъ или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу. Гапка у него носитъ ключи отъ коморъ и погребовъ; отъ большаго же сундука, что стоитъ въ его спальнѣ и отъ средней коморы, ключь, Иванъ Ивановичъ держитъ у себя и не любитъ никого туда пускать. Гапка, дѣвка здоровая, ходитъ въ *запаскѣ*, съ свѣжими икрами и щеками. А какой

Digitized by Google

богомольный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Каждый воскресный день надѣваетъ онъ бекешу и идетъ въ церковь. Взошедши въ нее, Иванъ Ивановичъ, раскланявшись на всѣ стороны, обыкновенно помѣщается на крылосѣ, и очень хорошо подтягиваетъ басомъ. Когда же окончится служба, Иванъ Ивановичъ никакъ не утерпитъ, чтобъ не обойти всѣхъ нищихъ. Онъ бы можетъ быть и не хотѣлъ заняться такимъ скучнымъ дѣломъ, если бы не побуждала его къ тому природная доброта. »Здорово Небого!« * обыкновенно говорилъ онъ, отыскавши самую изкалѣченную бабу, въ изодранномъ, сшитомъ изъ заплатъ, платьѣ. »Откуда ты, бѣдная?« — »Я, паночку, изъ хутора пришла: третій день, какъ не пила, не ѣла, выгнали меня собственные дѣти.« — »Бѣдная головушка, чего жъ ты пришла сюда?« — »А такъ, паночку, милостыни просить, не дастъ ли кто нибудь хоть на хлѣбъ.« — »Гм! что жъ, тебѣ развѣ хочется хлѣба?« обыкновенно спрашивалъ Иванъ Ивановичъ. — »Какъ

* Бѣдная.

Digitized by Google

не хотѣть! голодна, какъ собака.« — »Гм!« отвѣчалъ обыкновенно Иванъ Ивановичъ: »такъ тебѣ можетъ и мяса хочется?« — »Да все, что милость ваша дастъ, всѣмъ буду довольна.« — »Гм! развѣ мясо лучше хлѣба?« — »Гдѣ ужъ голодному разбирать. Все, что пожалуете, все хорошо.« При этомъ старуха обыкновенно протягивала руку. »Ну, ступай же съ Богомъ,« говорилъ Иванъ Ивановичъ. »Чего жъ ты стоишь? вѣдь я тебя не бью!« и обратившись съ такими разспросами къ другому, къ третьему, наконецъ возвращается домой, или заходитъ выпить рюмку водки къ сосѣду Ивану Никифоровичу, или къ судьѣ, или къ городничему. Иванъ Ивановичъ очень любитъ, если ему кто нибудь сдѣлаетъ подарокъ, или гостинецъ. Это ему очень нравится.

Очень хорошій также человѣкъ Иванъ Никифоровичъ. Его дворъ возлѣ двора Ивана Ивановича. Они такіе между собою пріятели, какихъ свѣтъ не производилъ. Антонъ Прокофьевичъ Пупопузъ, который до сихъ поръ еще ходитъ въ коричневомъ

Digitized by Google

сюртукѣ съ голубыми рукавами и обѣдаетъ по воскреснымъ днямъ у судьи, обыкновенно говорилъ, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича самъ чортъ связалъ веревочкой. Куда одинъ, туда и другой плетется. Иванъ Никифоровичъ никогда не былъ женатъ. Хотя проговаривали, что онъ женился, но это совершенная ложь. Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича, и могу сказать, что онъ даже не имѣлъ намѣренія жениться. Откуда выходятъ всѣ эти сплетни? такъ какъ пронесли было, что Иванъ Никифоровичъ родился съ хвостомъ назади. Но эта выдумка такъ нелѣпа и вмѣстѣ гнусна и неприлична, что я даже не почитаю нужнымъ опровергать предъ просвѣщенными читателями, которымъ безъ всякаго сомнѣнія извѣстно, что у однихъ только вѣдьмъ, и то у весьма немногихъ, есть назади хвостъ, которыя впрочемъ принадлежатъ болѣе къ женскому полу, нежели къ мужескому. Не смотря на большую пріязнь, эти рѣдкіе друзья не совсѣмъ были сходны между собою. Лучше всего

Digitized by Google

можно узнать характеры ихъ изъ сравненія: Иванъ Ивановичъ имѣетъ необыкновенный даръ говорить чрезвычайно пріятно. Господи, какъ онъ говоритъ! Это ощущеніе можно сравнить только съ тѣмъ, когда у васъ ищутъ въ головѣ, или потихоньку проводятъ пальцемъ по вашей пяткѣ. Слушаешь, слушаешь — и голову повѣсишь. Пріятно! чрезвычайно пріятно! какъ сонъ послѣ купанья. Иванъ Никифоровичъ напротивъ больше молчитъ, но за то если влѣпитъ словцо, то держись только: отбрѣетъ лучше всякой бритвы. Иванъ Ивановичъ худощавъ и высокаго роста; Иванъ Никифоровичъ немного ниже, но за то распространяется въ толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на рѣдьку хвостомъ внизъ; голова Ивана Никифоровича на рѣдьку хвостомъ вверхъ. Иванъ Ивановичъ только послѣ обѣда лежитъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсомъ; ввечеру же надѣваетъ бекешу и идетъ куда нибудь, или къ городовому магазину, куда онъ поставляетъ муку, или въ поле ловить перепеловъ. Иванъ Никифоровичъ

Digitized by Google

лежитъ весь день на крыльцѣ; если не слишкомъ жаркій день, то обыкновенно выставивъ спину на солнце, и никуда не хочетъ идти. Если вздумается утромъ, то пройдетъ по двору, осмотритъ хозяйство, и опять на покой. Въ прежнія времена зайдетъ бывало къ Ивану Ивановичу. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно тонкій человѣкъ и въ порядочномъ разговорѣ никогда не скажетъ неприличнаго слова и тотчасъ обидится, если услышитъ его. Иванъ Никифоровичъ иногда не обережется; тогда обыкновенно Иванъ Ивановичъ встаетъ съ мѣста и говоритъ: »довольно, довольно, Иванъ Никифоровичъ; лучше скорѣе на солнце, чѣмъ говорить такія богопротивныя слова.« Иванъ Ивановичъ очень сердится, если ему попадется въ борщъ муха: онъ тогда выходитъ изъ себя и тарелку кинетъ, и хозяину достанется. Иванъ Никифоровичъ чрезвычайно любитъ купаться, и когда сядетъ по горло въ воду, велитъ поставить также въ воду столъ и самоваръ, и очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ. Иванъ Ивановичъ

Digitized by Google

брѣетъ бороду въ недѣлю два раза; Иванъ Никифоровичъ одинъ разъ. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно любопытенъ. Боже сохрани, если что нибудь начнешь ему разсказывать, да недоскажешь! Если жъ чѣмъ бываетъ недоволенъ, то тотчасъ даетъ замѣтить это. По виду Ивана Никифоровича, чрезвычайно трудно узнать, доволенъ ли онъ, или сердитъ; хоть и обрадуется чему нибудь, то не покажетъ. Иванъ Ивановичъ нѣсколько боязливаго характера. У Ивана Никифоровича напротивъ того шаравары въ такихъ широкихъ складкахъ, что если бы раздуть ихъ, то въ нихъ можно бы помѣстить весь дворъ съ амбарами и строеніемъ. У Ивана Ивановича большіе выразительные глаза табачнаго цвѣта и ротъ нѣсколько похожъ на букву *ижицу*; у Ивана Никифоровича глаза маленькіе, желтоватые, совершенно пропадающіе между густыхъ бровей и пухлыхъ щекъ, и носъ въ видѣ спѣлой сливы. Иванъ Ивановичъ если потчиваетъ васъ табакомъ, то всегда напередъ лизнетъ языкомъ крышку табакерки, потомъ щелк-

Digitized by Google

нешъ по ней пальцемъ и, поднесши, скажешъ, если вы съ нимъ знакомы: »смѣю ли ли просишь, государь мой, объ одолженіи?« если же незнакомы, то: »смѣю ли просишь, государь мой, не имѣя чести знать чина, имени и отечества, объ одолженіи?« Иванъ же Никифоровичъ даетъ вамъ прямо въ руки рожокъ свой и прибавитъ только: »одолжайтесь.« Какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ очень не любятъ блохъ; и отъ того ни Иванъ Ивановичъ, ни Иванъ Никифоровичъ никакъ не пропустятъ жида съ товарами, чтобы не купить у него элексира въ разныхъ баночкахъ противъ этихъ насѣкомыхъ, выбранивъ напередъ его хорошенько.

Впрочемъ, не смотря на нѣкоторыя несходства, какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ прекрасные люди.

Digitized by Google

ГЛАВА II.

Изъ которой можно узнать, чего захотѣлось Ивану Ивановичу, о чемъ происходилъ разговоръ между Иваномъ Ивановичемъ и Иваномъ Никифоровичемъ, и чѣмъ онъ окончился.

Утромъ, это было въ Іюлѣ мѣсяцѣ, Иванъ Ивановичъ лежалъ подъ навѣсомъ. День былъ жарокъ, воздухъ сухъ и переливался струями. Иванъ Ивановичъ успѣлъ уже побывать за городомъ у косарей и на хуторѣ, успѣлъ распросить встрѣтившихся мужиковъ и бабъ, откуда, куда и почему; уходился страхъ и прилегъ отдох-

Digitized by Google

нушь. Лежа, онъ долго оглядывалъ коморы, дворъ, сараи, куръ, бѣгавшихъ по двору, и думалъ про себя: »Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! Чего у меня нѣтъ? Пшицы, строеніе, амбары, всякая прихоть, водка перегонная настоянная; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуста, горохъ.... Чего жъ еще нѣтъ у меня?... Хотѣлъ бы я знать, чего нѣтъ у меня?« Задавши себѣ такой глубокомысленный вопросъ, Иванъ Ивановичъ задумался; а между тѣмъ глаза его отыскали новые предметы, перешагнули чрезъ заборъ въ дворъ Ивана Никифоровича и занялись невольно любопытнымъ зрѣлищемъ. Тощая баба выносила по порядку залежалое платье, и развѣшивала его на протянутой веревкѣ вывѣтривать. Скоро старый мундиръ съ изношенными обшлагами протянулъ на воздухъ рукава и обнималъ парчевую кофту, за нимъ высунулся дворянскій съ гербовыми пуговицами, съ отъѣденнымъ воротникомъ, бѣлые казимировые панталоны съ пятнами, которые когда-то натягивались на ноги Ивана Ни-

Digitized by Google

кифоровича и которые можно теперь натянуть развѣ на его пальцы. За ними скоро повисли другіе въ видѣ буквы Л. Потомъ синій казацкій бешметъ, который шилъ себѣ Иванъ Ивановичъ назадъ тому лѣтъ двадцать, когда готовился-было вступить въ милицію и отпустилъ-было уже усы. Наконецъ, одно къ одному, выставилась шпага, походившая на шпицъ, торчавшій въ воздухѣ. Потомъ завертѣлись фалды чего-то похожаго на кафтанъ травяно-зеленаго цвѣта, съ мѣдными пуговицами, величиною въ пятакъ. Изъ-за фалдъ выглянулъ жилетъ, обложенный золотымъ позументомъ, съ большимъ вырѣзомъ напереди. Жилетъ скоро закрыла старая юбка покойной бабушки, съ карманами, въ которые можно было положить по арбузу. Все, мѣшаясь вмѣстѣ, составляло для Ивана Ивановича очень занимательное зрѣлище, между тѣмъ какъ лучи солнца, охватывая мѣстами синій или зеленый рукавъ, красный обшлагъ или часть золотой парчи, или играя на шпажномъ шпицѣ, дѣлали его чѣмъ-то необыкновен-

Digitized by Google

нымъ, похожимъ на тотъ вертепъ, который развозятъ по хуторамъ кочующіе пройдохи. Особливо когда толпа народа, тѣсно сдвинувшись, глядитъ на Царя Ирода въ золотой коронѣ, или на Антона, ведущаго козу; за вертепомъ визжитъ скрыпка; цыганъ брянчитъ руками по губамъ своимъ вмѣсто барабана, а солнце заходитъ, и свѣжій холодъ южной ночи незамѣтно прижимается сильнѣе къ свѣжимъ плечамъ и грудямъ полныхъ хуторянокъ. Скоро старуха вылѣзла изъ кладовой, кряхтя и тащя на себѣ старинное сѣдло съ оборванными стременами, съ истертыми кожаными чехлами для пистолетовъ, съ чепракомъ когда-то алаго цвѣта, съ золотымъ шитьемъ и мѣдными бляхами. »Вотъ глупая баба!« подумалъ Иванъ Ивановичъ: »она еще вытащитъ и самого Ивана Никифоровича провѣтривать!« И точно: Иванъ Ивановичъ не совсѣмъ ошибся въ своей догадкѣ. Минутъ черезъ пять воздвигнулись нанковые шаравары Ивана Никифоровича и заняли собою почти половину двора. Послѣ этого она вынесла

Digitized by Google

еще шапку и ружье. »Что жъ это значитъ!« подумалъ Иванъ Ивановичъ: »я не видѣлъ никогда ружья у Ивана Никифоровича. Что жъ это онъ? стрѣлять не стрѣляетъ, а ружье держитъ! На что жъ оно ему? А вещица славная! Я давно себѣ хотѣлъ достать такое. Мнѣ очень хочется имѣть это ружьецо; я люблю позабавиться ружьецомъ. Ей, баба, баба!« закричалъ Иванъ Ивановичъ, кивая пальцемъ.

Старуха подошла къ забору.

»Что это у тебя, бабуся, такое?«

»Видите сами, ружье.«

»Какое ружье?«

»Кто его знаетъ, какое! Если бъ оно было мое, то я можетъ быть и знала бы, изъ чего оно сдѣлано. Но оно панское.«

Иванъ Ивановичъ всталъ, и началъ разсматривать ружье со всѣхъ сторонъ, и позабылъ дать выговоръ старухѣ за то, что повѣсила его вмѣстѣ съ штагою провѣтривать.

»Оно, должно думать, желѣзное,« продолжала старуха.

Digitized by Google

» Гм! желѣзное. Отъ чего жъ оно желѣзное? « говорилъ про себя Иванъ Ивановичъ. » А давно ли оно у пана? «

» Можетъ быть и давно. «

» Хорошая вещица! « продолжалъ Иванъ Ивановичъ: » я выпрошу его. Что ему дѣлать съ нимъ! или промѣняюсь на что нибудь. Что, бабуся, дома панъ? «

» Дома. «

» Что онъ? лежитъ? «

» Лежитъ. «

» Ну, хорошо; я приду къ нему. «

Иванъ Ивановичъ одѣлся, взялъ въ руки суковатую палку отъ собакъ, потому, что въ Миргородѣ гораздо болѣе ихъ попадается на улицѣ, нежели людей, и пошелъ.

Дворъ Ивана Никифоровича хотя былъ возлѣ двора Ивана Ивановича и можно было перелѣзть изъ одного въ другой черезъ плетень; однако жъ Иванъ Ивановичъ пошелъ улицею. Съ этой улицы нужно было перейти въ переулокъ, который былъ такъ узокъ, что если случалось встрѣтиться въ немъ двумъ повозкамъ въ одну лошадь, то они уже не могли

Digitized by Google

разъѣхаться и оставались въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, покамѣсть схватившіи за заднія колеса, не вытаскивали ихъ каждую въ противную сторону на улицу. Пѣшеходъ же убирался, какъ цвѣтами, репейниками, ростими съ обѣихъ сторонъ возлѣ забора. На этотъ переулокъ выходили съ одной стороны сарай Ивана Ивановича, съ другой амбаръ, ворота и голубятня Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ подошелъ къ воротамъ, загремѣлъ щеколдой: извнутри поднялся собачій лай; но разнотерстная стая скоро побѣжала, помахивая хвостами, назадъ, увидѣвши, что это было знакомое лицо. Иванъ Ивановичъ перешелъ дворъ, на которомъ пестрѣли индѣйскіе голуби, кормимые собственноручно Иваномъ Никифоровичемъ, корки арбузовъ и дынь, мѣстами велень, мѣстами изломанное колесо или обручь изъ бочки, или валявшійся мальчишка въ запачканной рубашкѣ — картина, которую любятъ живописцы! Тѣнь отъ развѣшенныхъ платьевъ покрывала почти весь дворъ и сообщала ему нѣкоторую

Digitized by Google

прохладу. Баба встрѣтила его поклономъ, и, зазѣвавшись, стала на одномъ мѣстѣ. Передъ домомъ охорашивалось крылечко съ навѣсомъ на двухъ дубовыхъ столбахъ,— ненадежная защита отъ солнца, которое въ это время въ Малороссіи не любитъ шутить и обливаетъ пѣшехода съ ногъ до головы жаркимъ потомъ. Изъ этого можно было видѣть, какъ сильно было желаніе у Ивана Ивановича пріобрѣсть необходимую вещь, когда онъ рѣшился выйти въ такую пору, измѣнивъ даже своему всегдашнему обыкновенію прогуливаться только вечеромъ.

Комната, въ которую вступилъ Иванъ Ивановичъ, была совершенно темна, потому что ставни были закрыты и солнечный лучь, проходя въ дыру, сдѣланную въ ставнѣ, принялъ радужный цвѣтъ и, ударяясь въ противостоящую стѣну, рисовалъ на ней пестрый ландшафтъ изъ очеретяныхъ крышъ, деревъ и развѣшеннаго на дворѣ платья, все только въ обращенномъ видѣ. Отъ этого всей комнатѣ сообщался какой-то чудный полусвѣтъ.

Digitized by Google

» Помоги Богъ! « сказалъ Иванъ Ивановичъ.

» А! здравствуйте, Иванъ Ивановичъ! « отвѣчалъ голосъ изъ угла комнаты. Тогда только Иванъ Ивановичъ замѣтилъ Ивана Никифоровича, лежащаго на разостланномъ на полу коврѣ. » Извините, что я передъ вами въ натурѣ. « Иванъ Никифоровичъ лежалъ безо всего, даже безъ рубашки.

» Ничего. Почивали ли вы сегодня, Иванъ Никифоровичъ? «

» Почивалъ. А вы почивали, Иванъ Ивановичъ? «

» Почивалъ. «

» Такъ вы теперь и встали? «

» Я теперь всталъ? Христосъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ! какъ можно спать до сихъ поръ! Я только что пріѣхалъ изъ хутора. Прекрасныя жита по дорогѣ! восхитительныя! и сѣно такое рослое, мягкое, злачное! «

» Горпина! « закричалъ Иванъ Никифоровичъ: » принеси Ивану Ивановичу водки, да пироговъ со смѣтаною. «

» Хорошее время сегодня. «

Digitized by Google

» Не хвалите, Иванъ Ивановичъ. Чтобъ его чортъ взялъ! нѣкуда дѣваться отъ жару.

» Вотъ, таки нужно помянуть чорта. Ей, Иванъ Никифоровичъ! Вы вспомните мое слово, да уже будетъ поздо: достанется вамъ на томъ свѣтѣ за богопротивныя слова. «

» Чѣмъ же я обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ? Я не тронулъ ни отца, ни матери вашей. Не знаю, чѣмъ я васъ обидѣлъ. «

» Полно уже, полно Иванъ Никифоровичъ! «

» Ей Богу я не обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ! «

» Странно, что перепела до сихъ поръ нейдутъ подъ дудочку. «

» Какъ вы себѣ хотите, думайте что вамъ угодно, только я васъ не обидѣлъ ничѣмъ. «

» Не знаю, отъ чего они нейдутъ, « говорилъ Иванъ Ивановичъ, какъ бы не слушая Ивана Никифоровича. » Время ли не приспѣло еще, только время кажется такое, какое нужно. «

Digitized by Google

» Вы говорите, что жита хорошія. «

» Восхитительныя жита, восхитительныя! « За симъ послѣдовало молчаніе.

» Что это вы, Иванъ Никифоровичъ, платье развѣшиваете? « наконецъ сказалъ Иванъ Ивановичъ.

» Да прекрасное, почти новое платье загноила проклятая баба. Теперь провѣтриваю сукно тонкое, превосходное, только вывороти — и можно снова носить. «

» Мнѣ тамъ понравилась одна вещица, Иванъ Никифоровичъ. «

» Какая? «

» Скажите пожалуйста, на что вамъ это ружье, что выставлено вывѣтривать вмѣстѣ съ платьемъ? « Тутъ Иванъ Ивановичъ поднесъ табаку. »Смѣю ли просить объ одолженіи? «

» Ничего, одолжайтесь! я понюхаю своего! « При этомъ Иванъ Никифоровичъ пощупалъ вокругъ себя и досталъ рожокъ. » Вотъ глупая баба, такъ она и ружье туда же повѣсила! Хорошій табакъ жидъ дѣлаетъ въ Сорочинцахъ. Я не знаю, что онъ кладетъ туда, а такое душистое!

Digitized by Google

На кануперъ немножко похоже. Вотъ возмите, разжуйте немножко во рту. Не правда ли, похоже на кануперъ? возмите, одолжайтесь!«

»Скажите пожалуйста, Иванъ Никифоровичъ, я все на счетъ ружья, что вы будете съ нимъ дѣлать? вѣдь оно вамъ не нужно.«

»Какъ не нужно? а случится стрѣлять.«

»Господь съ вами, Иванъ Никифоровичъ, когда же вы будете стрѣлять? Развѣ по второмъ пришествіи. Вы, сколько я знаю и другіе запомнятъ, ни одной еще качки (*) не убили, да и ваша натура не такъ уже Господомъ Богомъ устроена, чтобъ стрѣлять. Вы имѣете осанку и фигуру важную. Какъ же вамъ таскаться по болотамъ, когда ваше платье, которое не во всякой рѣчи прилично назвать по имени, провѣтривается и теперь еще, что же тогда? Нѣтъ, вамъ нужно имѣть покой, отдохновеніе. (Иванъ Ивановичъ, какъ упомянуто выше, необыкновенно

* Т. е. утки.

Digitized by Google

живописно говорилъ, когда нужно было убѣждать кого. Какъ онъ говорилъ! Боже, какъ онъ говорилъ!) Да, такъ вамъ нужны приличные поступки. Послушайте, отдайте его мнѣ!«

»Какъ можно! это ружье дорогое. Такихъ ружьевъ теперь не сыщите нигдѣ. Я еще какъ собирался въ милицію, купилъ его у Турчина. А теперь бы то такъ вдругъ и отдать его! Какъ можно? это вещь необходимая.«

»На что же она необходимая?«

»Какъ на что? А когда нападутъ на домъ разбойники... Еще бы не необходимая. Слава тебѣ Господи! теперь я спокоенъ и не боюсь никого. А отъ чего? Отъ того, что я знаю, что у меня стоитъ въ коморѣ ружье.«

»Хорошее ружье! Да у него, Иванъ Никифоровичъ, замокъ испорченъ.«

»Что жъ что испорченъ? Можно починить. Нужно только смазать конопляннымъ масломъ, чтобъ не ржавѣлъ.«

»Изъ вашихъ словъ, Иванъ Никифоровичъ, я никакъ не вижу дружественнаго

Digitized by Google

ко мнѣ расположенія. Вы ничего не хотите сдѣлать для меня въ знакъ пріязни. «

» Какъ же это вы говорите, Иванъ Ивановичъ, что я вамъ не оказываю никакой пріязни? Какъ вамъ не совѣстно! Ваши волы пасутся на моей степи и я ни разу не занималъ ихъ. Когда ѣдете въ Полтаву, всегда просите у меня повозки, и что жъ? развѣ я отказалъ когда? Ребятишки ваши перелѣзаютъ чрезъ плетень въ мой дворъ и играютъ съ моими собаками — я ничего не говорю: пусть себѣ играютъ, лишъ бы ничего не трогали! пусть себѣ играютъ! «

» Когда не хотите подарить, такъ пожалуй помѣняемся. «

» Что жъ вы дадите мнѣ за него? « При этомъ Иванъ Никифоровичъ облокотился на руку и поглядѣлъ на Ивана Ивановича.

» Я вамъ дамъ за него бурую свинью, ту самую, что я откормилъ въ сажу. Славная свинья! Увидите, если на слѣдующій годъ она не наведетъ вамъ поросятъ. «

Digitized by Google

» Я не знаю, какъ вы, Иванъ Ивановичъ, можете это говорить. На что мнѣ свинья ваша? Развѣ чорту поминки дѣлать.«

» Опять! безъ чорта таки нельзя обойтись! Грѣхъ вамъ, ей Богу грѣхъ, Иванъ Никифоровичъ! «

» Какъ же вы въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Ивановичъ, даете за ружье, чортъ знаетъ что такое: свинью. «

» Отъ чего же она, чортъ знаетъ что такое, Иванъ Никифоровичъ? «

» Какъ же вы бы сами посудили хорошенько. Это таки ружье — вещь извѣстная; а то чортъ знаетъ что такое: свинья. Если бы не вы говорили, я бы могъ это принять въ обидную для себя сторону.«

» Что жъ нехорошаго замѣтили вы въ свиньѣ? «

» За кого же въ самомъ дѣлѣ вы принимаете меня? чтобъ я свинью .... «

» Садитесь, садитесь! не буду уже ... Пусть вамъ остается ваше ружье, пускай себѣ сгніетъ и перержавѣетъ стоя въ углу въ коморѣ — не хочу больше говорить о немъ. «

Digitized by Google

Послѣ этого послѣдовало молчаніе.

» Говорятъ, « началъ Иванъ Ивановичъ: » что три Короля объявили войну Царю нашему. «

» Да, говорилъ мнѣ Петръ Ѳедоровичъ; что жъ это за война? и отъ чего она? «

» Навѣрное не можно сказать, Иванъ Никифоровичъ, за что она. Я полагаю, что Короли хотятъ, чтобы мы всѣ приняли Турецкую вѣру. «

» Вишь дурни чего захотѣли! « произнесъ Иванъ Никифоровичъ, приподнявши голову.

» Вотъ видите, а Царь нашъ и объявилъ имъ за то войну. Нѣтъ, говоритъ, примите вы сами вѣру Христову! «

» Что жъ? вѣдь наши побьютъ ихъ, Иванъ Ивановичъ! «

» Побьютъ. Такъ не хотите, Иванъ Никифоровичъ, мѣнять ружьеца? «

» Мнѣ странно, Иванъ Ивановичъ, вы кажется человѣкъ извѣстный ученостью, а говорите какъ недоросль. Чтобы я за дуракъ такой . . . «

Digitized by Google

»Садитесь, садитесь. Богъ съ нимъ! пусть оно себѣ околѣетъ; не буду больше говорить!...«

Въ это время принесли закуску.

Иванъ Ивановичъ выпилъ рюмку и закусилъ пирогомъ съ смѣтаною. »Слушайте, Иванъ Никифоровичъ. Я вамъ дамъ кромѣ свиньи еще два мѣшка овса, вѣдь овса вы не сѣяли. Этотъ годъ, все равно, вамъ нужно будетъ покупать овесъ.«

»Ей Богу, Иванъ Ивановичъ, съ вами говорить нужно гороху наѣвшись. (Это еще ничего, Иванъ Никифоровичъ и не такія фразы отпускаетъ.) Гдѣ видано, чтобы кто ружье промѣнялъ на два мѣшка овса? Небось, бекеши своей не поставите.«

»Но вы позабыли, Иванъ Никифоровичъ, что я и свинью еще даю вамъ.«

»Какъ! два мѣшка овса и свинью за ружье?«

»Да что жъ, развѣ мало?«

»За ружье?«

»Конечно за ружье.«

»Два мѣшка за ружье?«

Digitized by Google

»Два мѣшка не пустыхъ, а съ овсомъ; а свинью позабыли?«

»Поцѣлуйтесь съ своею свиньею, а коли не хотите, такъ съ чертомъ!«

»О! васъ зацѣпи только! Увидите: нашпигуютъ вамъ на томъ свѣтѣ языкъ горячими иголками за такія богомерзскія слова. Послѣ разговору съ вами нужно и лице и руки умыть и самому окуриться.«

»Позвольте, Иванъ Ивановичъ; ружье вещь благородная, самая любопытная забава, притомъ и украшеніе въ комнатѣ пріятное...«

»Вы, Иванъ Никифоровичъ, разносились такъ съ своимъ ружьемъ, какъ *дурень съ писанною торбою*,« сказалъ Иванъ Ивановичъ съ досадою, потому что дѣйствительно начиналъ уже сердиться.

»А вы, Иванъ Ивановичъ, настоящій гусакъ.« (*)

Если бы Иванъ Никифоровичъ не сказалъ этого слова, то они бы поспорили между собою и разошлись, какъ всегда, пріятелями; но теперь произошло совсѣмъ

* Т. е. гусь самецъ.

Digitized by Google

другое. Иванъ Ивановичъ весь вспыхнулъ.

»Что вы такое сказали, Иванъ Никифоровичъ?« спросилъ онъ, возвысивъ голосъ.

»Я сказалъ, что вы похожи на гусака, Иванъ Ивановичъ!«

»Какъ же вы смѣли, сударь, позабывъ и приличіе и уваженіе къ чину и фамиліи человѣка, обезчестить такимъ поноснымъ именемъ?«

»Что жъ тутъ поноснаго? Да чего вы въ самомъ дѣлѣ такъ размахались руками, Иванъ Ивановичъ!«

»Я повторяю, какъ вы осмѣлились, въ противность всѣхъ приличій, назвать меня гусакомъ?«

»Начхать я вамъ на голову, Иванъ Ивановичъ! Что вы такъ раскудахтались.«

Иванъ Ивановичъ не могъ болѣе владѣть собою: губы его дрожали; ротъ измѣнилъ обыкновенное положеніе *ижицы*, а сдѣлался похожимъ на *Ѳ*; глазами онъ такъ мигалъ, что сдѣлалось страшно. Это было у Ивана Ивановича чрезвычайно рѣдко.

Digitized by Google

Нужно было для этого его сильно разсердить. »Такъ я жъ вамъ объявляю,« произнесъ Иванъ Ивановичъ, »что я знать васъ не хочу.«

»Большая бѣда! ей Богу не заплачу отъ этого!« отвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ. Лгалъ, лгалъ, ей Богу лгалъ! ему очень было досадно это.

»Нога моя не будетъ у васъ въ домѣ.«

»Эге, ге!« сказалъ Иванъ Никифоровичъ, съ досады не зная самъ что дѣлать и противъ обыкновенія вставъ на ноги. »Ей баба, хлопче!« При семъ показалась изъ-за дверей та самая тощая баба и небольшаго роста мальчикъ, запутанный въ длинный и широкій сюртукъ. »Возьмите Ивана Ивановича за руки, да выведите его за двери!«

»Какъ! Дворянина?« закричалъ съ чувствомъ достоинства и негодованія Иванъ Ивановичъ. »Осмѣльтесь только! подступите! я васъ уничтожу съ глупымъ вашимъ паномъ! Воронъ не найдетъ мѣста вашего!« (Иванъ Ивановичъ говорилъ необыкновенно сильно, когда душа его

Digitized by Google

бывала потрясена.) Вся группа представляла сильную картину: Иванъ Никифоровичъ, стоявшій посреди комнаты въ полной красотѣ своей безъ всякаго украшенія! Баба, разинувшая ротъ и выразившая на лицѣ самую безсмысленную, исполненную страха мину! Иванъ Ивановичъ съ поднятою вверхъ рукою, какъ изображались Римскіе Трибуны! Это была необыкновенная минута! Спектакль великолѣпный! и между тѣмъ только одинъ былъ зрителемъ: это былъ мальчикъ въ неизмѣримомъ сюртукѣ, который стоялъ довольно покойно и чистилъ пальцемъ свой носъ.

Наконецъ Иванъ Ивановичъ взялъ шапку свою. »Очень хорошо поступаете вы, Иванъ Никифоровичъ! прекрасно! Я это припомню вамъ.«

»Ступайте, Иванъ Ивановичъ, ступайте! да глядите, не попадайтесь мнѣ: а не то я вамъ, Иванъ Ивановичъ, всю морду побью!«

»Вотъ вамъ за это, Иванъ Никифоровичъ!« отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, вы-

Digitized by Google

ставивъ ему кукишь и хлопнувъ за собою дверью, которая съ визгомъ захрипѣла и отворилась снова. Иванъ Никифоровичъ показался въ дверяхъ и что-то хотѣлъ присовокупить, но Иванъ Ивановичъ уже не оглядывался и лешѣлъ со двора.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

—

Что произошло послѣ ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ?

—

И такъ два почтенные мужа, честь и украшеніе Миргорода, поссорились между собою! и за что? за вздоръ, за гусака. Не захотѣли видѣть другъ друга, прервали всѣ связи, между тѣмъ какъ прежде были извѣстны за самыхъ неразлучныхъ друзей! Каждый день, бывало, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ посылаютъ другъ

Digitized by Google

къ другу узнать о здоровьѣ и часто переговариваются другъ съ другомъ съ своихъ балконовъ и говорятъ другъ другу такія пріятныя рѣчи, что сердцу любо слушать было. По воскреснымъ днямъ, бывало, Иванъ Ивановичъ въ штаметовой бекешѣ, Иванъ Никифоровичъ въ нанковомъ желто-коричневомъ казакинѣ отправляются почти объ руку другъ съ другомъ въ церковь. И если Иванъ Ивановичъ, который имѣлъ глаза чрезвычайно зоркіе, первый замѣчалъ лужу, или какую нибудь нечистоту посреди улицы, что бываетъ иногда въ Миргородѣ, то всегда говорилъ Ивану Никифоровичу: »берегитесь, не ступите сюда ногою, ибо здѣсь нехорошо.« Иванъ Никифоровичъ съ своей стороны показывалъ тоже самые трогательные знаки дружбы и гдѣ бы не стоялъ далеко, всегда протянетъ къ Ивану Ивановичу руку съ рожкомъ, примолвивши: »одолжайтесь!« А какое прекрасное хозяйство у обоихъ!... и эти два друга... Когда я услышалъ объ этомъ, то меня какъ громомъ поразило! Я долго не хотѣлъ вѣрить: Боже праведный!

ный! Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ! Такіе достойные люди! Что жъ теперь прочно на этомъ свѣтѣ?

Когда Иванъ Ивановичъ пришелъ къ себѣ домой, то долго былъ въ сильномъ волненіи. Онъ бывало прежде всего зайдетъ въ конюшню посмотрѣть, ѣстъ ли кобылка сѣно (у Ивана Ивановича кобылка саврасая съ лысинкой на лбу. Хорошая очень лошадка); потомъ покормитъ индѣекъ и поросенковъ изъ своихъ рукъ и тогда уже идетъ въ покои, гдѣ, или дѣлаетъ деревянную посуду (онъ очень искусно, не хуже токаря, умѣетъ выдѣлывать разныя вещи изъ дерева), или читаетъ книжку, печатанную у Любія Гарія и Попова (названія ея Иванъ Ивановичъ не помнитъ потому, что дѣвка уже очень давно оторвала верхнюю часть заглавнаго листка, забавляя дитя), или же отдыхаетъ подъ навѣсомъ. Теперь же онъ не взялся ни за одно изъ всегдашнихъ своихъ занятій. Но вмѣсто того, встрѣтивши Гапку, началъ бранить, зачѣмъ она шатается

Digitized by Google

безъ дѣла, между тѣмъ, какъ она тащила крупу въ кухню; кинулъ палкой въ пѣшуха, который пришелъ къ крыльцу за обыкновенной подачей; и когда подбѣжалъ къ нему запачканный мальчишка въ изодранной рубашенкѣ, и закричалъ: »тятя, тятя, дай пряника!« то онъ ему такъ страшно пригрозилъ, и затопалъ ногами, что испуганный мальчишка забѣжалъ, Богъ знаетъ куда.

Наконецъ однако жъ онъ одумался и началъ заниматься всегдашними дѣлами. Поздо сталъ онъ обѣдать и уже въ вечеру почти, легъ отдыхать подъ навѣсомъ. Хорошій борщъ съ голубями, который сварила Ганка, выгналъ совершенно утреннее происшествіе. Иванъ Ивановичъ опять началъ съ удовольствіемъ разсматривать свое хозяйство. Наконецъ остановилъ глаза на сосѣднемъ дворѣ и сказалъ самъ себѣ: »Сего дня я не былъ у Ивана Никифоровича. Пойду-ка къ нему.« Сказавши это, Иванъ Ивановичъ взялъ палку и шапку и отправился на улицу; но едва только вышелъ за ворота, какъ вспомнилъ ссору,

Digitized by Google

плюнулъ и возвратился назадъ. Почти такое же движенiе случилось и на дворѣ Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ видѣлъ, какъ баба уже поставила ногу на плетень съ намѣренiемъ перелѣзть въ его дворъ, какъ вдругъ послышался голосъ Ивана Никифоровича: »назадъ! назадъ! ненужно!« Однако жъ Ивану Ивановичу сдѣлалось очень скучно. Весьма могло быть, что сiи достойные люди на другой же бы день помирились, если бы особенное происшествiе въ домѣ Ивана Ивановича не уничтожило всякую надежду и не подлило масла въ готовый погаснуть огонь вражды.

Къ Ивану Никифоровичу ввечеру того же дня прiѣхала Агафiя Ѳедосѣевна. Агафiя Ѳедосѣевна не была ни родственницей, ни свояченицей, ни даже кумой Ивану Никифоровичу. Казалось бы совершенно ей не за чѣмъ было къ нему ѣздить, и онъ самъ былъ не слишкомъ ей радъ; однако жъ она ѣздила и проживала у него по цѣлымъ недѣлямъ, а иногда и болѣе. Тогда она отбирала ключи и весь домъ брала на свои руки. Это было очень непрiятно Ивану

Digitized by Google

Никифоровичу, однако жъ онъ, къ удивленію, слушалъ ее, какъ ребенокъ, и хотя иногда и пытался спорить, но всегда Агафія Ѳедосѣевна брала верхъ.

Я признаюсь, не понимаю, для чего это такъ устроено, что женщины хватаютъ насъ за носъ, также ловко, какъ будто за ручку чайника? Или руки ихъ такъ созданы, или носы наши ни на что болѣе не годятся. И не смотря, что носъ Ивана Никифоровича былъ нѣсколько похожъ на сливу, однако жъ она схватила его за этотъ носъ и водила за собою, какъ собачку. Онъ даже измѣнилъ при ней, невольно, обыкновенный свой образъ жизни: не такъ долго лежалъ на солнцѣ, если же и лежалъ, то не въ натурѣ, а всегда надѣвалъ рубашку и шаравары, хотя Агафія Ѳедосѣевна совершенно этого не требовала. Она была неохотница до церемоній, и когда у Ивана Никифоровича была лихорадка, она сама своими руками вытирала его съ ногъ до головы скипидаромъ и уксусомъ. Агафія Ѳедосѣевна носила на головѣ чепецъ, три бородавки на носу и

Digitized by Google

кофейный капотъ съ желтенькими цвѣтами. Весь станъ ея похожъ былъ на кадушку, и отъ того отыскать ея талію было также трудно, какъ увидѣть безъ зеркала свой носъ. Ножки ея были коротенькія, сформированныя на образецъ двухъ подушекъ. Она сплетничала и ѣла вареные бураки по утрамъ, и отлично хорошо ругалась — и при всѣхъ этихъ разнообразныхъ занятіяхъ лицо ея ни на минуту не измѣняло своего выраженія, что обыкновенно могутъ показывать однѣ только женщины.

Какъ только она пріѣхала, все пошло на выворотъ: »Ты, Иванъ Никифоровичъ, не мирись съ нимъ и не проси прощенія: онъ тебя погубить хочетъ, это таковскій человѣкъ! Ты его еще не знаешь.« Шутукала, шутукала проклятая баба и сдѣлала то, что Иванъ Никифоровичъ и слышать не хотѣлъ объ Иванѣ Ивановичѣ.

Все приняло другой видъ: если сосѣдняя собака затѣсалась когда на дворъ, то ее колотили, чѣмъ ни попало; ребятишки, перелазившіе черезъ заборъ, возвращались

Digitized by Google

съ воплемъ, съ поднятыми вверхъ рубашенками и съ знаками розгъ на спинѣ. Даже самая баба, когда Иванъ Ивановичъ хотѣлъ-было ее спросить о чемъ-то, сдѣлала такую непристойность, что Иванъ Ивановичъ, какъ человѣкъ чрезвычайно деликатный, плюнулъ и примолвилъ только: »Экая скверная баба! хуже своего пана!«

Наконецъ, къ довершенію всѣхъ оскорбленій, ненавистный сосѣдъ выстроилъ прямо противъ него, гдѣ обыкновенно былъ перелазъ чрезъ плетень, гусиный хлѣвъ, какъ будто съ особеннымъ намѣреніемъ усугубить оскорбленіе. Этотъ отвратительный для Ивана Ивановича хлѣвъ выстроенъ былъ съ дьявольскою скоростью: въ одинъ день.

Это возбудило въ Иванѣ Ивановичѣ злость и желаніе отомстить. Онъ не показалъ однако жъ никакого вида огорченія, не смотря на то, что хлѣвъ даже захватилъ часть его земли; но сердце у него такъ билось, что ему было чрезвычайно трудно сохранять это наружное спокойствіе.

Digitized by Google

Такъ провелъ онъ день. Настала ночь... О если бъ я былъ живописецъ, я бы чудно изобразилъ всю прелесть ночи! Я бы изобразилъ, какъ спитъ весь Миргородъ; какъ неподвижно глядятъ на него безчисленныя звѣзды; какъ видимая тишина оглашается близкимъ и далекимъ лаемъ собакъ; какъ мимо ихъ несется влюбленный понамарь и перелазитъ чрезъ плетень съ рыцарскою безстрашностію; какъ бѣлыя стѣны домовъ, охваченныя луннымъ свѣтомъ, становятся бѣлѣе, осѣняющіе ихъ деревья темнѣе, тѣнь отъ деревъ ложится чернѣе, цвѣты и умолкнувшая трава душистѣе, и сверчки, неугомонные рыцари ночи, дружно со всѣхъ угловъ заводятъ свои трескучія пѣсни. Я бы изобразилъ, какъ въ одномъ изъ этихъ низенькихъ, глиняныхъ домиковъ, разметавшейся на одинокой постелѣ чернобровой горожанкѣ съ дрожащими молодыми грудями, снится гусарскій усъ и шпоры, а свѣтъ луны смѣется на ея щекахъ. Я бы изобразилъ, какъ по бѣлой дорогѣ мелькаетъ черная тѣнь летучей мыши, садящейся на бѣлыя

Digitized by Google

трубы домовъ... Но врядъ ли бы я могъ изобразить Ивана Ивановича, вышедшаго въ эту ночь съ пилою въ рукѣ. Столько на лицѣ у него было написано разныхъ чувствъ! Тихо, тихо подкрался онъ и подлѣзъ подъ гусиный хлѣвъ. Собаки Ивана Никифоровича еще ничего не знали о ссорѣ между ними, и потому позволили ему, какъ старому пріятелю, подойти къ хлѣву, который весь держался на четырехъ дубовыхъ столбахъ; подлѣзши къ ближнему столбу, приставилъ онъ къ нему пилу и началъ пилить. Шумъ, производимый пилою, заставлялъ его поминутно оглядываться; но мысль объ обидѣ возвращала бодрость. Первый столбъ былъ подпиленъ; Иванъ Ивановичъ принялся за другой. Глаза его горѣли и ничего не видали отъ страха. Вдругъ Иванъ Ивановичъ вскрикнулъ и обомлѣлъ: ему показался мертвецъ; но скоро онъ пришелъ въ себя, увидѣвши, что это былъ гусь, просунувшій къ нему свою шею. Иванъ Ивановичъ плюнулъ отъ негодованія и началъ продолжать работу. И второй столбъ подпиленъ: зданіе

Digitized by Google

пошатнулось. Сердце у Ивана Ивановича начало такъ страшно биться, когда онъ принялся за третій, что онъ нѣсколько разъ прекращалъ работу; уже болѣе половины его было подпилено, какъ вдругъ шаткое зданіе сильно покачнулось... Иванъ Ивановичъ едва успѣлъ отскочить, какъ оно рухнуло съ трескомъ. Схвативши пилу, въ страшномъ испугѣ, прибѣжалъ онъ домой и бросился на кровать, не имѣя даже духа поглядѣть въ окно на слѣдствія своего страшнаго дѣла. Ему казалось, что весь дворъ Ивана Никифоровича собрался: старая баба, Иванъ Никифоровичъ, мальчикъ въ безконечномъ сюртукѣ, всѣ съ дрекольями, предводительствуемые Агафіей Ѳедосѣевной, шли раззорять и ломать его домъ.

Весь слѣдующій день провелъ Иванъ Ивановичъ какъ въ лихорадкѣ. Ему все чудилось, что ненавистный сосѣдъ въ отмщеніе за это по крайней мѣрѣ подожжетъ домъ его. И потому онъ далъ повелѣніе Гапкѣ, поминутно обсматривать вездѣ, не подложено ли гдѣ нибудь сухой соломы.

Digitized by Google

Наконецъ, чтобы предупредить Ивана Никифоровича, онъ рѣшился забѣжать зайцемъ впередъ и подать на него прошеніе въ Миргородскій Повѣтовый Судъ. Въ чемъ оно состояло, объ этомъ можно узнать изъ слѣдующей главы.

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

—

О томъ, что произошло въ Присутствіи Миргородскаго Повѣтоваго Суда.

—

Чудный городъ Миргородъ! Какихъ въ немъ нѣтъ строеній! И подъ соломенною, и подъ очеретяною, даже подъ деревянною крышею; направо улица, налѣво улица, вездѣ прекрасный плетень; по немъ вьется хмѣль, на немъ висятъ горшки, изъ-за него подсолнечникъ выказываетъ свою солнцеобразную голову, краснѣетъ макъ,

Digitized by Google

мелькаютъ толстыя тыквы.... Роскошь! Плетень всегда убранъ предметами, которые дѣлаютъ его еще болѣе живописнымъ: или напяленою плахтою, или сорочкою, или шароварами. Въ Миргородѣ нѣтъ ни воровства, ни мошенничества, и потому каждый вѣшаетъ, что ему вздумается. Если будете подходить къ площади, то вѣрно на время остановитесь полюбоваться видомъ: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вамъ удавалось когда видѣть! Она занимаетъ почти всю площадь. Прекрасная лужа! Домы и домики, которые издали можно принять за копны сѣна, обступивши вокругъ, дивятся красотѣ ея.

Но я тѣхъ мыслей, что нѣтъ лучше дома, какъ Повѣтовый Судъ. Дубовый ли онъ, или березовый, мнѣ нѣтъ дѣла; но въ немъ, милостивые государи, восемь окошекъ! восемь окошекъ въ рядъ, прямо на площадь, и на то водное пространство, о которомъ я уже говорилъ и которое городничій называетъ озеромъ! Одинъ только онъ окрашенъ цвѣтомъ

Digitized by Google

граниша: прочіе всѣ домы въ Миргородѣ просто выбѣлены. Крыша на немъ вся деревянная, и была бы даже выкрашена красною краскою, если бы приготовленное для того масло, канцелярскіе, приправивши лукомъ, не съѣли, что было какъ нарочно во время поста, и крыша осталась некрашенною. На площадь выступаетъ крыльцо, на которомъ часто бѣгаютъ куры, отъ того, что на крыльцѣ всегда почти разсыпаны крупы, или что нибудь съѣстное, что впрочемъ дѣлается не нарочно, но единственно отъ неосторожности просителей. Онъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной *присутствіе*, въ другой *арестантская*. Въ той половинѣ, гдѣ присутствіе, находятся двѣ комнаты чистыя, выбѣленныя; одна передняя для просителей; въ другой столъ, убранный чернильными пятнами. На немъ Зерцало. Четыре стула дубовые съ высокими спинками; возлѣ стѣнъ сундуки, кованые желѣзомъ, въ которыхъ сохранялись кипы Повѣтовой ябеды. На одномъ изъ этихъ сундуковъ стоялъ тогда сапогъ, вычищенный ваксою.

Digitized by Google

Присутствіе началось еще съ утра. Судья довольно полный человѣкъ, хотя нѣсколько тонѣе Ивана Никифоровича, съ доброю миною, въ замасленномъ халатѣ, съ трубкою и чашкою чаю, разговаривалъ съ подсудкомъ. У судьи губы находились подъ самымъ носомъ, и отъ того носъ его могъ нюхать верхнюю губу, сколько душѣ угодно было. Эта губа служила ему вмѣсто табакерки, потому что табакъ, адресуемый въ носъ, почти всегда сѣялся на нее. И такъ судья разговаривалъ съ подсудкомъ. Босая дѣвка держала въ сторонѣ подносъ съ чашками.

Въ концѣ стола секретарь читалъ рѣшеніе дѣла, но такимъ однообразнымъ и унывнымъ тономъ, что самъ подсудимый заснулъ бы слушая. Судья, безъ сомнѣнія, это бы сдѣлалъ прежде всѣхъ, если бы не вошелъ въ занимательный между тѣмъ разговоръ.

»Я нарочно старался узнать,« говорилъ судья, прихлебывая чай уже съ простывшей чашки; »какимъ образомъ это дѣлается, что они поютъ хорошо. У меня

Digitized by Google

былъ славный дроздъ, года два тому назадъ. Что жъ? вдругъ испоршился совсѣмъ. Началъ пѣть Богъ знаетъ что. Чѣмъ далѣе хуже, хуже, сталъ картавѣть, хрипѣть, хоть выбрось! А вѣдь самый вздоръ! это вотъ отъ чего дѣлается: подъ горлышкомъ дѣлается бобонъ, меньше горошинки. Этотъ бобончикъ нужно только проколоть иголкою. Меня научилъ этому Захаръ Прокофьевичъ, и именно, если хотите, я вамъ разскажу, какимъ это было образомъ: пріѣзжаю я къ нему....«

»Прикажете, Демьянъ Демьяновичъ, читать другое?« прервалъ секретарь, уже нѣсколько минутъ какъ окончившій чтеніе.

»А вы уже прочитали? Представьте, какъ скоро! Я и не услышалъ ничего! Да гдѣ жъ оно? дайте его сюда, я подпишу. Что тамъ еще у васъ?«

»Дѣло казака Бокитька о краденой коровѣ.«

»Хорошо, читайте! Да, такъ пріѣзжаю я къ нему... Я могу даже разсказать вамъ подробно, какъ онъ угостилъ меня. Къ водкѣ былъ поданъ балыкъ, единственный!

Digitized by Google

Да, не нашего балыка, которымъ« при этомъ судья сдѣлалъ языкомъ и улыбнулся, причемъ носъ понюхалъ свою всегдашнюю табакерку, »которымъ угощаешъ наша бакалейная Миргородская лавка. Селедки я не ѣлъ, потому что, какъ вы сами знаете, у меня отъ нее дѣлается изжога подъ ложечкою. Но икры отвѣдалъ; прекрасная икра! нечего сказать, отличная! Потомъ выпилъ я водки персиковой, настоянной на золотомысячникѣ. Была и шафранная; но шафранной, какъ вы сами знаете, я не употребляю. Оно, видите, очень хорошо: напередъ, какъ говорятъ, раззадоритъ апетитъ, а потомъ уже завершитъ.... А! слыхомъ слыхать, видомъ видать...« вскричалъ вдругъ судья, увидѣвъ входящаго Ивана Ивановича.

»Богъ въ помощь! желаю здравствовать!« произнесъ Иванъ Ивановичъ, поклонившись на всѣ стороны съ свойственною ему одному пріятностію. Боже мой, какъ онъ умѣлъ обворожить всѣхъ своимъ обращеніемъ! Тонкости такой я нигдѣ не видывалъ. Онъ зналъ очень хорошо самъ

Digitized by Google

свое достоинство и потому на всеобщее почтеніе смотрѣлъ, какъ на должное. Судья самъ подалъ стулъ Ивану Ивановичу, носъ его потянулъ съ верхней губы весь табакъ, что всегда было у него знакомъ большаго удовольствія.

»Чѣмъ прикажете подчивать васъ, Иванъ Ивановичъ?« спросилъ онъ. »Не прикажете ли чашку чаю?«

»Нѣтъ, весьма благодарю«, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

»Сдѣлайте милость, одну чашечку!« повторилъ судья.

»Нѣтъ, благодарю. Весьма доволенъ гостепріимствомъ!« отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

»Одну чашку«, повторилъ судья.

»Нѣтъ, не безпокойтесь, Демьянъ Демьяновичъ!« При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

»Чашечку?«

»Ужъ такъ и быть, развѣ чашечку!« произнесъ Иванъ Ивановичъ и протянулъ руку къ подносу.

Digitized by Google

Господи Боже! какая бездна тонкости бываетъ у человѣка! Нельзя разсказать, какое пріятное впечатлѣніе производятъ такіе поступки!

» Не прикажете ли еще чашечку? «

» Покорно благодарствую «, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, ставя на подносъ опрокинутую чашку и кланяясь.

» Сдѣлайте одолженіе, Иванъ Ивановичъ! «

» Не могу. Весьма благодаренъ. « При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

» Иванъ Ивановичъ! сдѣлайте дружбу, одну чашечку! «

» Нѣтъ, весьма обязанъ за угощеніе. « Сказавши это, Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

» Только чашечку! одну чашечку! «

Иванъ Ивановичъ протянулъ руку къ подносу и взялъ чашку.

Фу ты пропасть! какъ можетъ, какъ найдется человѣкъ поддержать свое достоинство!

» Я, Демьянъ Демьяновичъ, « говорилъ Иванъ Ивановичъ, допивая послѣдній гло-

Digitized by Google

шокъ: »я къ вамъ имѣю необходимое дѣло: я подаю позовъ.« При этомъ Иванъ Ивановичъ поставилъ чашку и вынулъ изъ кармана написанный гербовый листъ бумаги. »Позовъ на врага своего, на заклятаго врага.«

»На кого же это?«

»На Ивана Никифоровича Довгочхуна.«

При этихъ словахъ судья чуть не упалъ со стула. »Что вы говорите!« произнесъ онъ, всплеснувъ руками: »Иванъ Ивановичъ! вы ли это?«

»Видите сами, что я.«

»Господь съ вами и всѣ святые! Какъ! вы! Иванъ Ивановичъ! стали непріятелемъ Ивану Никифоровичу! Ваши ли это уста говорятъ? повторите еще! Да не спрятался ли у васъ кто нибудь сзади и говоритъ вмѣсто васъ?...«

»Что жъ тутъ невѣроятнаго. Я не могу смотрѣть на него; онъ нанесъ мнѣ смертную обиду, оскорбилъ честь мою.«

»Пресвятая Троица! какъ же мнѣ теперь увѣрить матушку! А она, старушка, каждый день, какъ только мы поссоримся

Digitized by Google

съ сестрою, говоритъ: вы, дѣтки, живете между собою, какъ собаки. Хоть бы вы взяли примѣръ съ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Вотъ ужъ друзья, такъ друзья! то-то пріятели! то-то достойные люди! — Вотъ тебѣ и пріятели! Разскажите, за что же это? какъ?«

»Это дѣло деликатное, Демьянъ Демьяновичъ! на словахъ его нельзя разсказать. Прикажите лучше прочитать просьбу. Вотъ, возьмите съ этой стороны, здѣсь приличнѣе.

»Прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ!« сказалъ судья, оборотившись къ секретарю.

Тарасъ Тихоновичъ взялъ просьбу, и высморкавшись такимъ образомъ, какъ сморкаютъ всѣ секретари по Повѣтовымъ Судамъ, съ помощію двухъ пальцевъ, началъ читать:

Отъ дворянина Миргородскаго повѣта и помѣщика Ивана Иванова сына Перепенка прошеніе; а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1). Извѣстный всему свѣту своими богопротивными, въ омерзѣніе приводя-

Digitized by Google

щими и всякую мѣру превышающими законопреступными поступками, дворянинъ Иванъ Никифоровъ, сынъ Довгочхунъ, сего 1810 года Іюля 7 дня учинилъ мнѣ смертельную обиду, какъ персонально до чести моей относящуюся, такъ равномѣрно въ уничиженіе и конфузію чина моего и фамиліи. Оный дворянинъ и самъ притомъ гнуснаго вида, характеръ имѣетъ бранчивый и преисполненъ разнаго рода богохуленіями и бранными словами!«

Тутъ чтецъ немного остановился, чтобы снова высморкаться, а судья съ благоговѣніемъ сложилъ руки и только говорилъ про себя: »что за бойкое перо! Господи Боже, какъ пишетъ этотъ человѣкъ!«

Иванъ Ивановичъ просилъ читать далѣе и Тарасъ Тихоновичъ продолжалъ:

Оный дворянинъ, Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ, когда я пришелъ къ нему съ дружескими предложеніями, назвалъ меня публично обиднымъ и поноснымъ для чести моей именемъ, а именно *гусакомъ*, тогда какъ извѣстно всему Миргородскому повѣту, что симъ гнуснымъ животнымъ

Digitized by Google

я никогда отнюдь не именовался и впредь именоваться не намѣренъ. Доказательствомъ же дворянскаго моего происхожденія есть то, что въ метрической книгѣ, находящейся въ церкви *Трехъ Святителей*, записанъ какъ день моего рожденія, такъ равномѣрно и полученное мною крещеніе. *Гусакъ* же, какъ извѣстно всѣмъ, кто сколько нибудь свѣдущъ въ наукахъ, не можетъ быть записанъ въ метрической книгѣ; ибо *гусакъ* есть не человѣкъ, а птица, что уже всякому, даже небывавшему въ Семинаріи, достовѣрно извѣстно. Но оный злокачественный дворянинъ, будучи обо всемъ этомъ свѣдущъ, не для чего инаго, какъ чтобы нанесть смертельную для моего чина и званія обиду, обругалъ меня онымъ гнуснымъ словомъ.

2). Сей же самый неблагопристойный и неприличный дворянинъ посягнулъ притомъ на мою родовую, полученную мною послѣ родителя моего, состоявшаго въ духовномъ званіи, блаженной памяти Ивана Онисіева сына Перерепенка, собственность, тѣмъ, что въ противность вся-

Digitized by Google

кимъ законамъ, перенесъ совершенно насупротивъ моего крыльца гусиной хлѣвъ, что дѣлалось не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ чтобъ усугубить нанесенную мнѣ обиду; ибо оный хлѣвъ стоялъ до сего въ изрядномъ мѣстѣ и довольно еще былъ крѣпокъ. Но омерзительное намѣреніе вышеупомянутаго дворянина состояло единственно въ томъ, чтобы учинить меня свидѣтелемъ непристойныхъ пассажей; ибо извѣстно, что всякой человѣкъ не пойдетъ въ хлѣвъ, тѣмъ паче въ гусиной, для приличнаго дѣла. При такомъ противузаконномъ дѣйствіи, двѣ переднія сохи захватили собственную мою землю, доставшуюся мнѣ еще при жизни отъ родителя моего, блаженной памяти Ивана Онисіева сына Перерепенка, начинавшуюся отъ амбара и прямою линіей до самаго того мѣста, гдѣ бабы моютъ горшки.

3). Вышеизображенный дворянинъ, котораго уже самое имя и фамилія внушаетъ всякое омерзѣніе, питаетъ въ душѣ злостное намѣреніе поджечь меня въ собственномъ домѣ. Несомнѣнные чему признаки

Digitized by Google

изъ нижеслѣдующаго явствуютъ: во 1-хъ, оный злокачественный дворянинъ началъ выходить часто изъ своихъ покоевъ, чего прежде никогда, по причинѣ своей лѣности и гнусной тучности тѣла, не предпринималъ; во 2-хъ, въ людской его, примыкающей о самый заборъ, ограждающій мою собственную, полученную мною отъ покойнаго родителя моего, блаженной памяти Ивана Онисіева сына Перерепенка, землю, ежедневно и въ необычайной продолжительности горитъ свѣтъ, что уже явное есть къ тому доказательство, ибо до сего, по скаредной его скупости, всегда не только сальная свѣча, но даже каганецъ былъ потушаемъ.

И потому прошу онаго дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна, яко повиннаго въ зажигательствѣ, въ оскорбленіи моего чина, имени и фамиліи и въ хищническомъ присвоеніи собственности, а паче всего въ подломъ и предосудительномъ присовокупленіи къ фамиліи моей названія *Гусака*, ко взысканію штрафа, удовлетворенія, протторей и убытковъ

Digitized by Google

присудить, и самаго, яко нарушителя, въ кандалы забить и заковавши въ городскую тюрьму препроводить и по сему моему прошенію, рѣшеніе немедленно и неукоснительно учинить. Писалъ и сочинялъ дворянинъ, Миргородскій помѣщикъ Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко.

По прочтеніи просьбы, судья приблизился къ Ивану Ивановичу, взялъ его за пуговицу, и началъ говорить ему почти такимъ образомъ: »Что это вы дѣлаете, Иванъ Ивановичъ? Бога бойтесь! бросьте просьбу, пусть она пропадаетъ! (сатана приснись ей!) Возьмитесь лучше съ Иваномъ Никифоровичемъ за руки, да поцѣлуйтесь, да купите Санжуринскаго, или Никопольскаго, или хоть просто сдѣлайте пуншику, да позовите меня! Разопьемъ вмѣстѣ и позабудемъ все!«

»Нѣтъ, Демьянъ Демьяновичъ! не такое дѣло,« сказалъ Иванъ Ивановичъ съ важностію, которая такъ всегда шла къ нему. »Не такое дѣло, чтобы можно было рѣшить полюбовною сдѣлкою. Прощайте! прощайте и вы, господа!« продолжалъ онъ

Digitized by Google

съ тою же важностію, оборотившись ко всѣмъ. »Надѣюсь, что моя просьба возымѣетъ надлежащее дѣйствіе;« и ушелъ, оставивъ въ изумленіи все присутствіе.

Судья сидѣлъ, не говоря ни слова. Секретарь нюхалъ табакъ, канцелярскіе опрокинули разбитый черепокъ бутылки, употребляемой вмѣсто чернильницы, и самъ судья въ разсѣянности разводилъ пальцемъ по столу чернильную лужу.

»Что вы скажете на это, Дорофей Трофимовичъ?« сказалъ судья, послѣ нѣтораго молчанія обратившись къ подсудку.

»Ничего не скажу,« отвѣчалъ подсудокъ.

»Экія дѣла дѣлаются!« продолжалъ судья. Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ дверь затрещала и передняя половина Ивана Никифоровича высадилась въ присутствіе; остальная оставалась еще въ передней. Появленіе Ивана Никифоровича и еще въ судъ такъ показалось необыкновеннымъ, что судья вскрикнулъ; секретарь прервалъ свое чтеніе. Одинъ канцеляристъ въ фризовомъ подобіи полуфрака, взялъ въ губы

Digitized by Google

перо; другой проглотилъ муху. Даже отправлявшій должность фельдегеря и сторожа, инвалидъ, который до того стоялъ у дверей почесывая въ своей грязной рубашкѣ, съ нашивкою на плечѣ, даже этотъ инвалидъ разинулъ ротъ и наступилъ кому-то на ногу.

»Какими судьбами! что и какъ? Какъ здоровье ваше, Иванъ Никифоровичъ?«

Но Иванъ Никифоровичъ былъ ни живъ, ни мертвъ, потому что завязнулъ въ дверяхъ и не могъ сдѣлать ни шагу впередъ, или назадъ. Напрасно судья кричалъ въ переднюю, чтобы кто нибудь изъ находившихся тамъ выперъ сзади Ивана Никифоровича въ присутственную залу. Въ передней находилась одна только старуха-просительница, которая, не смотря на всѣ усилія своихъ костистыхъ рукъ, ничего не могла сдѣлать. Тогда одинъ изъ канцелярскихъ съ толстыми губами, съ широкими плечами, съ толстымъ носомъ, глазами глядѣвшими скоса и пьяна, съ разодранными локтями, приближался къ передней половинѣ Ивана Никифоровича.

Digitized by Google

сложилъ ему обѣ руки на крестъ, какъ ребенку, и мигнулъ старому инвалиду, который уперся своимъ колѣномъ въ брюхо Ивана Никифоровича, и не смотря на жалобные стоны, вытиснутъ онъ былъ въ переднюю. Тогда отодвинули задвижки и отворили вторую половинку дверей. При чемъ канцелярскій и его помощникъ, инвалидъ, отъ дружныхъ усилій дыханіемъ устъ своихъ распространили такой сильный запахъ, что комната присутствія превратилась было на время въ питейный домъ.

»Не зашибли ли васъ, Иванъ Никифоровичъ? Я скажу матушкѣ, она пришлетъ вамъ настойки, которою потрите только поясницу и спину, и все пройдетъ.«

Но Иванъ Никифоровичъ повалился на стулъ и кромѣ продолжительныхъ *оховъ* ничего не могъ сказать. Наконецъ слабымъ, едва слышнымъ отъ усталости голосомъ, произнесъ онъ: »не угодно ли?« и вынувши изъ кармана рожокъ, прибавилъ: »возьмите, одолжайтесь!«

Digitized by Google

»Весьма радъ, что васъ вижу,« отвѣчалъ судья. »Но все не могу представить себѣ, что заставило васъ предпринять трудъ и одолжить насъ такою пріятною нечаянностію.«

»Съ просьбою....« могъ только произнесть Иванъ Никифоровичъ.

»Съ просьбою? съ какою?«

»Съ позвомъ...« тутъ одышка произвела долгую паузу »охъ!... съ позвомъ на мошенника... Ивана Иванова Перерепенка.«

»Господи! и вы туда! такіе рѣдкіе друзья! Позовъ на такого добродѣтельнаго человѣка!..«

»Онъ самъ сатана!« произнесъ отрывисто Иванъ Никифоровичъ.

Судья перекрестился.

»Возьмите просьбу, прочитайте.«

»Нечего дѣлать, прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ«, сказалъ судья, обращаясь къ секретарю, съ видомъ неудовольствія, при чемъ носъ его невольно понюхалъ верхнюю губу, что обыкновенно онъ дѣлалъ прежде только отъ большаго удовольствія. Такое самоуправство носа причинило судьѣ

Digitized by Google

еще болѣе досады. Онъ вынулъ платокъ и смелъ съ верхней губы весь табакъ, чтобы показать дерзость его.

Секретарь, сдѣлавши обыкновенный свой приступъ, который онъ всегда употреблялъ передъ начатіемъ чтенія, т. е. безъ помощи носоваго платка, началъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ такимъ образомъ:

Проситъ дворянинъ Миргородскаго повѣта Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1). По ненавистной злобѣ своей и явному недоброжелательству, называющій себя дворяниномъ, Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко, всякія пакости, убытки и иныя ехидненскіе и въ ужасъ приводящіе поступки мнѣ чинитъ и вчерашняго дня по полудни, какъ разбойникъ и тать, съ топорами, пилами, долотами и иными слесарными орудіями, забрался ночью въ мой дворъ и въ находящійся въ ономъ мой же собственный хлѣвъ. Собственноручно и поноснымъ образомъ его изрубилъ. На что съ моей стороны я не подавалъ

Digitized by Google

никаковой причины къ столь противозаконному и разбойническому поступку.

2). Оный же дворянинъ Перерепенко имѣетъ посягательство на самую жизнь мою и до 7-го числа прошлаго мѣсяца, содержа втайнѣ сіе намѣреніе, пришелъ ко мнѣ и началъ дружескимъ и хитрымъ образомъ выпрашивать у меня ружье, находившееся въ моей комнатѣ, и предлагалъ мнѣ за него, съ свойственною ему скупостью, многія негодныя вещи, какъ-то: свинью бурую и двѣ мѣрки овса. Но предугадывая тогда же преступное его намѣреніе, я всячески старался отъ онаго уклонить его, но оный мошенникъ и подлецъ Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко выбранилъ меня мужицкимъ образомъ и питаетъ ко мнѣ съ того времени вражду непримиримую. При томъ же оный часто поминаемый, неистовый дворянинъ и разбойникъ Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко и происхожденія весьма поноснаго: его сестра была извѣстная всему свѣту потаскуха и ушла за егерскою ротою, стоявшею назадъ тому пять лѣтъ въ Мир-

Digitized by Google

городѣ; а мужа своего записала въ крестьяне. Отецъ и мать его тоже были пребеззаконные люди и оба были невообразимые пьяницы. Упоминаемый же дворянинъ и разбойникъ Перерепенко своими скотоподобными и порицанія достойными поступками превзошелъ всю свою родню и подъ видомъ благочестія дѣлаетъ самыя соблазнительныя дѣла. Постовъ не содержитъ; ибо наканунѣ Филиповки сей богоотступникъ купилъ барана и на другой день велѣлъ зарѣзать своей беззаконной дѣвкѣ Гапкѣ, оговариваясь, аки бы ему нужно было подъ тотъ часъ сало на каганцы и свѣчи.

Посему прошу онаго дворянина, яко разбойника, святотатца, мошенника, уличеннаго уже въ воровствѣ и грабительствѣ, въ кандалы заковать, и въ тюрьму, или государственный острогъ препроводить, и тамъ уже по усмотрѣнію, лишa чиновъ и дворянства, добре барбарами тмаровать и въ Сибирь на каторгу по надобности заточить, проторы, убытки велѣть ему заплатить и по сему моему

Digitized by Google

прошенію рѣшеніе учинить. — Къ сему прошенію руку приложилъ дворянинъ Миргородскаго повѣта Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ.

Какъ только секретарь кончилъ чтеніе, Иванъ Никифоровичъ взялся за шапку, поклонился, съ намѣреніемъ уйти.

»Куда же вы, Иванъ Никифоровичъ?« говорилъ ему вслѣдъ судья. »Посидите немного! выпейте чаю! Орышко! что ты стоишь глупая дѣвка и перемигиваешься съ канцелярскими, ступай, принеси чаю!«

Но Иванъ Никифоровичъ, съ испугу, что такъ далеко зашелъ отъ дому и выдержалъ такой опасный карантинъ, успѣлъ уже пролѣзть въ дверь, проговоривъ: »не безпокойтесь, я съ удовольствіемъ....« и затворилъ ее за собою, оставивъ въ изумленіи все присутствіе.

Дѣлать было нечего. Обѣ просьбы были приняты и дѣло готовилось принять довольно важный интересъ, какъ одно непредвидѣнное обстоятельство сообщило ему еще большую занимательность. Когда судья вышелъ изъ присутствія въ сопро-

Digitized by Google

вожденіи подсудка и секретаря, а канцелярскіе укладывали въ мѣшокъ нанесенныхъ просителями куръ, яицъ, краюхъ хлѣба, пироговъ, книшей и прочаго дрязгу, въ это время бурая свинья вбѣжала въ комнату и схватила, къ удивленію присутствовавшихъ, не пирогъ или хлѣбную корку, но прошеніе Ивана Никифоровича, которое лежало на концѣ стола, перевѣсившись листами внизъ. Схвативши бумагу, бурая хавронья убѣжала такъ скоро, что ни одинъ изъ приказныхъ чиновниковъ не могъ догнать ее, не смотря на кидаемые линейки и чернильницы.

Это чрезвычайное происшествіе произвело страшную суматоху, потому что даже копія не была еще списана съ нее. Судья, т. е. его секретарь и подсудокъ долго трактовали объ такомъ неслыханномъ обстоятельствѣ; наконецъ рѣшено было на томъ, чтобы написать объ этомъ отношеніе къ городничему, такъ какъ слѣдствіе по этому дѣлу болѣе относилось къ Гражданской Полиціи. Отношеніе за № 389 послано было къ нему того же дня

Digitized by Google

и по этому самому произошло довольно любопытное объясненіе, о которомъ читатели могутъ узнать изъ слѣдующей главы.

Digitized by Google

ГЛАВА V.

Въ которой излагается совѣщаніе двухъ почетныхъ въ Миргородѣ особъ.

Какъ только Иванъ Ивановичъ управился въ своемъ хозяйствѣ и вышелъ, по обыкновенію, полежать подъ навѣсомъ, какъ къ несказанному удивленію своему увидѣлъ что-то краснѣвшее въ калиткѣ. Это былъ красный обшлагъ городничаго, который, равномѣрно какъ и ворошникъ его, получилъ полишуру и по краямъ превра-

Digitized by Google

щался въ лакированную кожу. Иванъ Ивановичъ подумалъ про себя: »недурно, что пришелъ Петръ Ѳедоровичъ поговорить,« но очень удивился, увидя, что городничій шелъ чрезвычайно скоро и размахивалъ руками, что случалось съ нимъ, по обыкновенію, весьма рѣдко. На мундирѣ у городничаго посажено было восемь пуговицъ, девятая какъ оторвалась во время процессіи при освященіи храма назадъ тому два года, такъ до сихъ поръ десятскіе не могутъ отыскать, хотя городничій при ежедневныхъ рапортахъ, которые отдаютъ ему кварпальные надзиратели, всегда спрашиваетъ, нашлась ли пуговица. Эти восемь пуговицъ были насажены у него такимъ образомъ, какъ бабы садятъ бобы: одна направо, другая налѣво. Лѣвая нога была у него прострѣлена въ послѣдней кампаніи, и потому онъ, прихрамывая, закидывалъ ею такъ далеко въ сторону, что разрушалъ этимъ почти весь трудъ правой ноги. Чѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ городничій своею пѣхотою, тѣмъ менѣе она подвигалась впередъ. И потому пока-

Digitized by Google

мѣсшь дошелъ городничій къ навѣсу, Иванъ Ивановичъ имѣлъ довольно времени шеряшься въ догадкахъ, ошъ чего городничій шакъ скоро размахивалъ руками. Тѣмъ болѣе эшо его занимало, чшо дѣло казалось необыкновенной важносши, ибо при немъ была даже новая шпага. — »Здравсшвуйше, Пешръ Ѳедоровичъ!« вскричалъ Иванъ Ивановичъ, кошорый, какъ уже сказано, былъ очень любопышенъ и никакъ не могъ удержашь своего нешерпѣнія при видѣ, какъ городничій бралъ присшупомъ крыльцо, но все еще не поднималъ глазъ своихъ вверхъ и ссорился съ своей пѣхошою, кошорая никакимъ образомъ не могла съ одного размаху взойши на сшупеньку.

»Добраго дня желаю любезному другу и благодѣшелю, Ивану Ивановичу!« ошвѣчалъ городничій.

»Милосши прошу садишься. Вы, какъ я вижу, усшали, пошому чшо ваша раненая нога мѣшаешъ . . .«

»Моя нога!« вскрикнулъ городничій, бросивъ на Ивана Ивановича одинъ изъ шѣхъ взглядовъ, какіе бросаешъ великанъ

Digitized by Google

на пигмея, ученый педантъ на танцовальнаго учителя. При этомъ онъ вытянулъ свою ногу и топнулъ ею объ полъ. Эта храбрость однако жъ ему дорого стоила, потому что весь корпусъ его покачнулся и носъ клюнулъ перилы; но мудрый блюститель порядка, чтобъ не подать никакого вида, тотчасъ оправился и полѣзъ въ карманъ, какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы достать табакерку. »Я вамъ доложу о себѣ, любезнѣйшій другъ и благодѣтель Иванъ Ивановичъ, что я дѣлывалъ на вѣку своемъ не такіе походы. Да, серьезно дѣлывалъ. Напримѣръ, во время кампаніи 1807 года.... Ахъ, я вамъ разскажу, какимъ манеромъ я перелѣзъ черезъ заборъ къ одной хорошенькой Нѣмкѣ.« При этомъ городничій зажмурилъ одинъ глазъ и сдѣлалъ бѣсовски плутовскую улыбку.

»Гдѣ жъ вы бывали сегодня?« спросилъ Иванъ Ивановичъ, желая прервать городничаго и скорѣе навести его на причину посѣщенія; ему бы очень хотѣлось спросить, что такое намѣренъ объявить городничій; но тонкое познаніе свѣта

Digitized by Google

представляло ему всю неприличность такого вопроса, и Иванъ Ивановичъ долженъ былъ скрѣпиться и ожидать разгадки, между тѣмъ, какъ сердце его колотилось съ необыкновенною силою.

»А позвольте, я вамъ разскажу, гдѣ былъ я«, отвѣчалъ городничій. »Во-первыхъ доложу вамъ, что сегодня отличное время....«

При послѣднихъ словахъ Иванъ Ивановичъ почти что не умеръ.

»Но позвольте«, продолжалъ городничій. »Я пришелъ сегодня къ вамъ по одному весьма важному дѣлу.« Тутъ лице городничаго и осанка приняли тоже самое озабоченное положеніе, съ которымъ бралъ онъ приступомъ крыльцо. Иванъ Ивановичъ ожилъ и трепеталъ, какъ въ лихорадкѣ, не замедливши, по обыкновенію своему, сдѣлать вопросъ: »Какое же оно, важное? развѣ оно важное?«

»Вотъ извольте видѣть: прежде всего осмѣлюсь доложить вамъ, любезный другъ и благодѣтель Иванъ Ивановичъ, что вы... съ моей стороны я, извольте видѣть, я

Digitized by Google

ничего, но виды правительства, виды правительства этого требуютъ: вы нарушили порядокъ благочинія!«

»Что это вы говорите, Петръ Ѳедоровичъ? Я ничего не понимаю.«

»Помилуйте, Иванъ Ивановичъ! Какъ вы ничего не понимаете? Ваша собственная животина утащила очень важную казенную бумагу, и вы еще говорите послѣ этого, что ничего не понимаете!«

»Какая животина?«

»Съ позволенія сказать, ваша собственная бурая свинья.«

»А я чѣмъ виноватъ? Зачѣмъ судейской сторожъ отворяетъ двери!«

»Но, Иванъ Ивановичъ, ваше собственное животное, стало быть вы виноваты.«

»Покорно благодарю васъ за то, что съ свиньею меня равняете.«

»Вотъ ужъ этого я не говорилъ, Иванъ Ивановичъ! Ей Богу не говорилъ! извольте разсудить по чистой совѣсти сами; вамъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, что согласно съ видами начальства, запрещено

Digitized by Google

въ городѣ, тѣмъ же паче въ главныхъ градскихъ улицахъ, прогуливаться нечистымъ животнымъ. Согласитесь сами, что это дѣло запрещенное.«

»Богъ знаетъ, что это вы говорите? Большая важность, что свинья вышла на улицу!«

»Позвольте вамъ доложить, позвольте, позвольте Иванъ Ивановичъ, это совершенно невозможно. Что жъ дѣлать? Начальство хочетъ — мы должны повиноваться. Не спорю, забѣгаютъ иногда на улицу и даже на площадь куры и гуси, замѣтьте себѣ: куры и гуси; но свиней и козловъ я еще въ прошломъ году далъ предписаніе не впускать на публичныя площади. Которое предписаніе тогда же приказалъ прочитать изустно, въ собраніи, предъ цѣлымъ народомъ.«

»Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ, я здѣсь ничего не вижу, какъ только то, что вы всячески стараетесь обижать меня.«

»Вотъ этого-то не можете сказать, любезнѣйшій другъ и благодѣтель, чтобы я старался обижать. Вспомните сами: я

Digitized by Google

не сказалъ вамъ ни одного слова прошлый годъ, когда вы выстроили крышу цѣлымъ аршиномъ выше установленной мѣры. Напротивъ я показалъ видъ, какъ будто совершенно этого не замѣтилъ. Вѣрьте, любезнѣйшій другъ, что и теперь бы я совершенно, такъ сказать... но мой долгъ, словомъ: обязанность, требуетъ смотрѣть за чистотою. Посудите сами, когда вдругъ на главной улицѣ....«

»Ужъ хороши ваши главныя улицы! Туда всякая баба идетъ выбросить то, что ей не нужно.«

»Позвольте вамъ доложить, Иванъ Ивановичъ, что вы сами обижаете меня! Правда, это случается иногда, но по большей части только подъ заборомъ, сараями или каморами; но чтобъ на главной улицѣ, на площадь втесалась суноросная свинья, это такое дѣло....«

»Что жъ такое, Петръ Ѳедоровичъ! Вѣдь свинья твореніе Божіе!«

»Согласенъ. Это всему свѣту извѣстно, что вы человѣкъ ученый, знаете науки и прочіе разные предметы. Конечно

Digitized by Google

я наукамъ не обучался никакимъ: скорописному письму я началъ учиться на тридцатомъ году своей жизни. Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, изъ рядовыхъ.«

»Гм!« сказалъ Иванъ Ивановичъ.

»Да,« продолжалъ городничій: »въ 1801 году я находился въ 42 Егерскомъ полку въ 4 ротѣ поручикомъ. Ротный Командиръ у насъ былъ, если изволите знать, капитанъ Еремѣевъ.« При этомъ городничій запустилъ свои пальцы въ табакерку, которую Иванъ Ивановичъ держалъ открытою и переминалъ табакъ.

Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ: »Гм.«

»Но мой долгъ,« продолжалъ городничій: »есть повиноваться требованіямъ правительства. Знаете ли вы, Иванъ Ивановичъ, что похитившій въ Судѣ казенную бумагу, подвергается, наравнѣ со всякимъ другимъ преступленіемъ, уголовному суду.«

»Такъ знаю, что если хотите, и васъ научу. Такъ говорится о людяхъ, напримѣръ, если бы вы украли бумагу; но свинья животное, твореніе Божіе!«

Digitized by Google

»Все такъ; но законъ говоритъ: виновный въ похищеніи.... прошу васъ прислушаться внимательно: виновный! Здѣсь не означается ни рода, ни пола, ни званія, стало быть и животное можетъ быть виновно. Воля ваша; а животное прежде произнесенія приговора къ наказанію должно быть представлено въ полицію, какъ нарушитель порядка.«

»Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ!« возразилъ хладнокровно Иванъ Ивановичъ. »Этого-то не будетъ!«

»Какъ вы хотите, только я долженъ слѣдовать предписаніямъ начальства.«

»Что жъ вы стращаете меня? Вѣрно хотите прислать за нею безрукаго солдата. Я прикажу дворовой бабѣ его кочергой выпроводить. Ему послѣднюю руку переломятъ.«

»Я не смѣю съ вами спорить. Въ такомъ случаѣ, если вы не хотите представить ее въ полицію, то пользуйтесь ею какъ вамъ угодно. Заколите, когда желаете, ее къ Рождеству и надѣлайте изъ нее окороковъ, или такъ съѣдите. Только

Digitized by Google

я бы у васъ попросилъ, если будете дѣлать колбасы, пришлите мнѣ парочку тѣхъ, которыя у васъ такъ искусно дѣлаетъ Гапка изъ свиной крови и сала. Моя Аграфена Трофимовна очень ихъ любитъ.«

»Колбасъ, извольте, пришлю парочку.

»Очень вамъ буду благодаренъ, любезный другъ и благодѣтель. Теперь позвольте вамъ сказать еще одно слово: я имѣю порученіе, какъ отъ судьи, такъ равно и отъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ, такъ сказать, примирить васъ съ пріятелемъ вашимъ, Иваномъ Никифоровичемъ.«

»Какъ! съ невѣжею! чтобы я примирился съ этимъ грубіяномъ! Никогда! Не будетъ этого, не будетъ!« Иванъ Ивановичъ былъ въ чрезвычайно рѣшительномъ состояніи.

»Какъ вы себѣ хотите«, отвѣчалъ городничій, угощая обѣ ноздри табакомъ. »Я самъ не смѣю совѣтовать; однако жъ позвольте доложить: вотъ вы теперь въ ссорѣ, а какъ помиритесь....«

Digitized by Google

Но Иванъ Ивановичъ началъ говорить о ловлѣ перепеловъ, что обыкновенно случалось, когда онъ хотѣлъ замять рѣчь.

И такъ городничій, не получивъ никакого успѣха, долженъ былъ отправиться во-свояси.

Digitized by Google

ГЛАВА VI.

—

Изъ которой читатель легко можетъ узнать все то, что въ ней содержится.

—

Сколько ни старались въ судѣ скрыть дѣло, но на другой же день весь Миргородъ узналъ, что свинья Ивана Ивановича утащила просьбу Ивана Никифоровича. Самъ городничій, первый позабывшись, проговорился. Когда Ивану Никифоровичу сказали объ этомъ, онъ ничего не сказалъ, спросилъ только: не бурая ли?

Digitized by Google

Но Агафія Ѳедосѣевна, которая была при этомъ, начала опять приступать къ Ивану Никифоровичу: »что ты, Иванъ Никифоровичъ? надъ тобой будутъ смѣяться, какъ надъ дуракомъ, если ты попустишь! Какой ты послѣ этого будешь дворянинъ! Ты будешь хуже бабы, что продаетъ сластены, которыя ты такъ любишь.« И уговорила неугомонная! Нашла гдѣ-то человѣчка среднихъ лѣтъ, черномазаго, съ пятнами по всему лицу, въ темносинемъ съ заплатами на локтяхъ сюртукѣ, совершенную приказную чернильницу! Сапоги онъ смазывалъ дегтемъ, носилъ по три пера за ухомъ, и привязанный къ пуговицѣ на шнурочкѣ стеклянный пузырекъ, вмѣсто чернильницы; съѣдалъ за однимъ разомъ девять пироговъ, а десятый клалъ въ карманъ, и въ одинъ гербовый листъ столько уписывалъ всякой ябеды, что никакой чтецъ не могъ за однимъ разомъ прочесть, не перемѣжая этого кашлемъ и чиханьемъ. Это небольшое подобіе человѣка копалось, корпѣло, писало и наконецъ состряпало такую бумагу:

Digitized by Google

Въ Миргородскій Повѣтовый Судъ отъ дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна.

Въ слѣдствіе онаго прошенія моего, что отъ меня дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна къ тому имѣло быть, совокупно съ дворяниномъ Иваномъ Ивановымъ сыномъ Перерепенкомъ; чему и самъ Повѣтовый Миргородскій Судъ потворство свое изъявилъ. И самое оное нахальное самоуправство бурой свиньи, будучи въ тайнѣ содержимо и уже отъ стороннихъ людей до слуха дошедшись. Понеже оное допущеніе и потворство, яко злоумышленное, суду неукоснительно подлежитъ; ибо оная свинья есть животное глупое, и тѣмъ паче способное къ хищенію бумаги. Изъ чего очевидно явствуетъ, что часто поминаемая свинья не иначе, какъ была подущена къ тому самимъ противникомъ, называющимъ себя дворяниномъ Иваномъ Ивановымъ сыномъ Перерепенкомъ, уже уличенномъ въ разбоѣ, посягательствѣ на жизнь и святотатствѣ. Но оный Миргородскій Судъ, съ

Digitized by Google

свойственнымъ ему лицепріятіемъ, тайное своей особы соглашеніе изъявилъ; безъ каковаго соглашенія оная свинья ни коимъ бы образомъ не могла быть допущенною къ ущащенію бумаги: ибо Миргородскій Повѣтовый Судъ въ прислугѣ весьма снабженъ, для сего довольно уже назвать одного солдата, во всякое время въ пріемной пребывающаго, который хотя имѣетъ одинъ кривой глазъ и нѣсколько поврежденную руку, но чтобы выгнать свинью и ударить ее дубиною, имѣетъ весьма соразмѣрныя способности. Изъ чего достовѣрно видно потворство онаго Миргородскаго Суда и безспорно раздѣленіе жидовскаго отъ того барыша по взаимности совмѣщаясь. Оный же вышеупомянутый разбойникъ и дворянинъ Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко въ приточеніи отельмовавшись состоялся. Почему и довожу оному Повѣтовому Суду я, дворянинъ Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ, въ надлежащее всевѣдѣніе, если съ оной бурой свиньи, или согласившагося съ нею дворянина Перерепенка означенная просьба

взыщена не будетъ, и по ней рѣшеніе по справедливости и въ мою пользу не возымѣетъ: то я, дворянинъ Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ, о таковомъ онаго Суда противозаконномъ потворствѣ, подавъ жалобу въ Палату имѣю съ надлежащимъ по формѣ перенесеніемъ дѣла. — Дворянинъ Миргородскаго повѣта Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ.

Эта просьба произвела свое дѣйствіе: судья былъ человѣкъ, какъ обыкновенно бываютъ всѣ добрые люди, трусливаго десятка. Онъ обратился къ секретарю. Но секретарь пустилъ сквозь губы густой »гм« и показалъ на лицѣ своемъ ту равнодушную и дьявольски двусмысленную мину, которую принимаетъ одинъ только сатана, когда видитъ у ногъ своихъ прибѣгающую къ нему жертву. Одно средство оставалось: примирить двухъ пріятелей. Но какъ приступить къ этому, когда всѣ покушенія были до того неуспѣшны? Однако жъ еще рѣшились попытаться; но Иванъ Ивановичъ напрямикъ объявилъ, что не хочетъ, и даже весьма

Digitized by Google

разсердился. Иванъ Никифоровичъ вмѣсто отвѣта оборотился спиною назадъ и хоть бы слово сказалъ. Тогда процесъ пошелъ съ необыкновенною быстротою, которою обыкновенно такъ славятся судилища. Бумагу помѣтили, записали, выставили нумеръ, вшили, росписались, все въ одинъ и тотъ же день и положили въ шкафъ, гдѣ оно лежало, лежало, лежало годъ, другой, третій; множество невѣстъ успѣло выдти замужъ, въ Миргородѣ пробили новую улицу, у судьи выпалъ одинъ коренный зубъ и два боковыхъ, у Ивана Ивановича бѣгало по двору больше ребятишекъ, нежели прежде; откуда они взялись, Богъ одинъ знаетъ! Иванъ Никифоровичъ въ упрекъ Ивану Ивановичу выстроилъ новый гусиный хлѣвъ, хотя немного подальше прежняго, и совершенно застроился отъ Ивана Ивановича, такъ что сіи достойные люди никогда почти не видали въ лицо другъ друга — и дѣло все лежало, въ самомъ лучшемъ порядкѣ, въ шкафу, который сдѣлался мраморнымъ отъ чернильныхъ пятенъ.

Digitized by Google

Между тѣмъ произошелъ чрезвычайно важный случай для всего Миргорода.

Городничій давалъ асамблею! Гдѣ возьму я кистей и красокъ, чтобъ изобразить разнообразіе съѣзда и великолѣпное пиршество? Возьмите часы, откройте ихъ и посмотрите, что тамъ дѣлается! Не правда ли, чепуха страшная? Представьте же теперь себѣ, что почти столько же, если не больше, колесъ стояло среди двора городничаго. Какихъ бричекъ и повозокъ тамъ не было! Одна — задъ широкій, а передъ узенькой; другая — задъ узенькой, а передъ широкій. Одна была и бричка и повозка вмѣстѣ, другая ни бричка, ни повозка; иная была похожа на огромную копну сѣна, или на толстую купчиху; другая на растрепаннаго жида, или на скелетъ еще не совсѣмъ освободившійся отъ кожи; иная была въ профилѣ совершенная трубка съ чубукомъ; другая была ни на что не похожа, представляя какое-то странное существо, совершенно безобразное и чрезвычайно фантастическое. Изъ среды этого хаоса колесъ и козелъ, воз-

Digitized by Google

выпалось подобіе кареты съ комнатнымъ окномъ, перекрещеннымъ толстымъ переплетомъ. Кучера въ сѣрыхъ чекменяхъ, свитакахъ и сѣрякахъ, въ бараньихъ шапкахъ и разноколиберныхъ фуражкахъ, съ трубками въ рукахъ, проводили по двору распряженныхъ лошадей. Что за асамблею далъ городничій! Позвольте, я перечту всѣхъ, которые были тамъ: Тарасъ Тарасовичъ, Евплъ Акинфовичъ, Евтихій Евтихіевичъ, Иванъ Ивановичъ, не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, Савва Гавриловичъ, нашъ Иванъ Ивановичъ, Елевферій Елевферіевичъ, Макаръ Назарьевичъ, Ѳома Григорьевичъ.... Не могу далѣе! не въ силахъ! Рука устаетъ писать! А сколько было дамъ! смуглыхъ и бѣлолицыхъ, длинныхъ и коротенькихъ, толстыхъ, какъ Иванъ Никифоровичъ, и такихъ тонкихъ, что, казалось, каждую можно было упрятать въ шпажныя ножны городничаго. Сколько чепцовъ! сколько платьевъ! красныхъ, желтыхъ, кофейныхъ, зеленыхъ, синихъ, новыхъ, перелицованныхъ, перекроенныхъ, платковъ, лентъ, ридикулей!

Digitized by Google

Прощайте, бѣдные глаза! вы ни куда не будете годиться послѣ этого спектакля. А какой длинной столъ вылъ вытянутъ! А какъ разговорилось все — какой шумъ подняли! Куда противъ этого мельница со всѣми своими жерновами, колесами, шестерней, ступами! Не могу вамъ сказать навѣрно, о чемъ они говорили, но должно думать, что о многихъ пріятныхъ и полезныхъ вещахъ, какъ-то: о погодѣ, о собакахъ, о пшеницѣ, о чепчикахъ, о жеребцахъ. Наконецъ Иванъ Ивановичъ, не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, у котораго одинъ глазъ кривъ, сказалъ: »мнѣ очень странно, что правый глазъ мой (кривой Иванъ Ивановичъ всегда говорилъ о себѣ иронически) не видитъ Ивана Никифоровича г-на Довгочхуна.« — »Не хотѣлъ притти!« сказалъ городничій.

»Какъ такъ?«

»Вотъ уже, слава Богу, есть два года, какъ поссорились они между собою, т. е. Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, и гдѣ одинъ, туда другой ни за что не пойдетъ!«

Digitized by Google

»Что вы говорите!« При этомъ кривой Иванъ Ивановичъ поднялъ глаза вверхъ и сложилъ руки вмѣстѣ. »Что жъ теперь, если уже люди съ добрыми глазами не живутъ въ мирѣ, гдѣ же жить мнѣ въ ладу съ кривымъ моимъ окомъ!« На эти слова всѣ засмѣялись во весь ротъ. Всѣ очень любили криваго Ивана Ивановича за то, что онъ отпускалъ шутки совершенно во вкусѣ нынѣшнемъ; самъ высокій худощавый человѣкъ въ байковомъ сюртукѣ съ пластыремъ на носу, который до того сидѣлъ въ углу и ни разу не перемѣнилъ движенія на своемъ лицѣ, даже когда залетѣла къ нему въ носъ муха, этотъ самый господинъ всталъ съ своего мѣста и подвинулся ближе къ толпѣ, обступившей криваго Ивана Ивановича. »Послушайте!« сказалъ кривой Иванъ Ивановичъ, когда увидѣлъ, что его окружило порядочное общество. »Послушайте, вмѣсто того, что вы теперь заглядываетесь на мое кривое око, давайте, вмѣсто этого, помиримъ двухъ нашихъ пріятелей! Теперь Иванъ Ивановичъ разговариваетъ съ бабами

Digitized by Google

и дѣвчатами, пошлемъ потихоньку за Иваномъ Никифоровичемъ, да и столкнемъ ихъ вмѣстѣ.«

Всѣ единодушно приняли предложеніе Ивана Ивановича и положили немедленно послать къ Ивану Никифоровичу на домъ просить его, во что бы ни стало, пріѣхать къ городничему на обѣдъ. Но важный вопросъ: на кого возложить это важное порученіе? повергнулъ всѣхъ въ недоумѣніе. Долго спорили, кто способнѣе и искуснѣе въ дипломатической части; наконецъ единодушно рѣшили возложить все это на Антона Прокофьевича Голопузя. Но прежде нужно нѣсколько познакомить читателя съ этимъ замѣчательнымъ лицемъ. Антонъ Прокофьевичъ былъ совершенно добродѣтельный человѣкъ во всемъ значеніи этого слова: дастъ ли ему кто изъ почетныхъ людей въ Миргородѣ платокъ на шею, или исподнее — онъ благодаритъ; щелкнетъ ли его кто слегка въ носъ, онъ и тогда благодаритъ. Если у него спрашивали, отъ чего это у васъ, Антонъ Прокофьевичъ, сюртукъ коричне-

Digitized by Google

вой, а рукава голубые? то онъ обыкновенно всегда отвѣчалъ: »а у васъ и такого нѣтъ! Подождите, обносится, весь будетъ одинаковой!« И точно: голубое сукно, отъ дѣйствія солнца, начало обращаться въ коричневое и теперь совершенно подходитъ подъ цвѣтъ сюртука; но вотъ что странно, что Антонъ Прокофьевичъ имѣетъ обыкновеніе суконное платье носить лѣтомъ, а нанковое зимою. Антонъ Прокофьевичъ не имѣетъ своего дома. У него былъ прежде на концѣ города, но онъ его продалъ и на вырученныя деньги купилъ тройку гнѣдыхъ лошадей и небольшую бричку, въ которой разъѣзжалъ гостить по помѣщикамъ. Но такъ какъ съ ними много было хлопотъ и притомъ нужны были деньги на овесъ, то Антонъ Прокофьевичъ ихъ промѣнялъ на скрыпку и дворовую дѣвку, взявши придачи двадцатипяти рублевую бумажку. Потомъ скрыпку Антонъ Прокофьевичъ продалъ, а дѣвку промѣнялъ за кисетъ сафьянный съ золотомъ. И теперь у него кисетъ такой, какого ни у кого нѣтъ. За это на-

Digitized by Google

слажденіе, онъ уже не можетъ разъѣзжать по деревнямъ, а долженъ оставаться въ городѣ и ночевать въ разныхъ домахъ, особенно тѣхъ дворянъ, которые находили удовольствіе щелкать его по носу. Антонъ Прокофьевичъ любитъ хорошо поѣсть, играетъ изрядно въ дураки и мельники; повиноваться всегда было его стихіею, и потому онъ, взявши шапку и палку, немедленно отправился въ путь. Но идучи сталъ разсуждать, какимъ образомъ ему подвигнуть Ивана Никифоровича прити на асамблею. Нѣсколько крутой нравъ сего, впрочемъ достойнаго человѣка, дѣлалъ его предпріятіе почти невозможнымъ. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, ему рѣшиться придти, когда встать съ постели, уже ему стоило великаго труда? Но положимъ, что онъ встанетъ, какъ ему придти туда, гдѣ находится, что безъ сомнѣнія онъ знаетъ, непримиримый врагъ его? Чѣмъ болѣе Антонъ Прокофьевичъ обдумывалъ, тѣмъ болѣе находилъ препятствій. День былъ душенъ; солнце жгло; потъ лился съ него градомъ. Антонъ Прокофьевичъ,

Digitized by Google

не смотря, что его щелкали по носу, былъ довольно хитрый человѣкъ на многія дѣла. Въ мѣнѣ только былъ онъ не такъ счастливъ; онъ очень зналъ, когда нужно прикинуться дуракомъ, и иногда умѣлъ найтиться въ такихъ обстоятельствахъ и случаяхъ, гдѣ рѣдко умный бываетъ въ состояніи извернуться. Въ то время, какъ изобрѣтательный умъ его выдумывалъ средство, какъ убѣдить Ивана Никифоровича, и уже онъ храбро шелъ на встрѣчу всего, одно неожиданное обстоятельство нѣсколько смутило его. Не мѣшаетъ, при этомъ, сообщить читателю, что у Антона Прокофьевича были между прочимъ однѣ панталоны такого страннаго свойства, что когда онъ надѣвалъ ихъ, то всегда собаки кусали его за икры. Какъ на бѣду, въ тотъ день онъ надѣлъ именно эти панталоны. И потому едва только онъ предался размышленіямъ, какъ страшный лай со всѣхъ сторонъ поразилъ слухъ его. Антонъ Прокофьевичъ поднялъ такой крикъ, громче его ни кто не умѣлъ кричать, что не

Digitized by Google

только знакомая баба и обитатель неизмѣримаго сюршука выбѣжали къ нему на встрѣчу, но даже мальчишки со двора Ивана Ивановича посыпались къ нему, и хотя собаки только за одну ногу успѣли его укусить, однако жъ это очень уменьшило его бодрость и онъ съ нѣкотораго рода робостью подступалъ къ крыльцу.

Digitized by Google

ГЛАВА VII

и

послѣдняя.

—

»А! здравствуйте. На что вы собакъ дразните? « сказалъ Иванъ Никифоровичъ, увидѣвши Антона Прокофьевича; потому что съ Антономъ Прокофьевичемъ ни кто иначе не говорилъ, какъ шутя.

»Чтобъ они передохли всѣ! Кто ихъ дразнитъ? « отвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ.

Digitized by Google

» Вы врете. «

» Ей Богу нѣтъ! Просилъ васъ Петръ Ѳедоровичъ на обѣдъ. «

» Гм. «

» Ей Богу! такъ убѣдительно просилъ, что выразить не можно. Что это, говоритъ, Иванъ Никифоровичъ чуждается меня, какъ непріятеля. Никогда не зайдетъ, поговорить либо посидѣть. «

Иванъ Никифоровичъ погладилъ свой подбородокъ.

» Если, говоритъ, Иванъ Никифоровичъ и теперь не придетъ, то я не знаю, что подумать: вѣрно онъ имѣетъ на меня какой умыселъ! Сдѣлайте милость, Антонъ Прокофьевичъ, уговорите Ивана Никифоровича! Что жъ, Иванъ Никифоровичъ? пойдемъ! тамъ собралась теперь отличная компанія! «

Иванъ Никифоровичъ началъ разсматривать пѣтуха, который, стоя на крыльцѣ, изо всей мочи дралъ горло.

» Если бы вы знали, Иванъ Никифоровичъ, « продолжалъ усердный депутатъ:

Digitized by Google

»какой осетрины, какой свѣжей икры прислали Петру Ѳедоровичу!«

При этомъ Иванъ Никифоровичъ поворотилъ свою голову и началъ внимательно прислушиваться.

Это ободрило депутата. »Пойдемте скорѣе, тамъ и Ѳома Григорьевичъ! Что жъ вы?« прибавилъ онъ, видя, что Иванъ Никифоровичъ лежалъ все въ одинаковомъ положеніи. »Что жъ? идемъ или нейдемъ?«

»Не хочу.«

Это не хочу поразило Антона Прокофьевича. Онъ уже думалъ, что убѣдительное представленіе его совершенно склонило этого, впрочемъ достойнаго человѣка, но вмѣсто того услышалъ рѣшительное: не хочу.

»Отъ чего же не хотите вы?« спросилъ онъ почти съ досадою, которая показывалась у него чрезвычайно рѣдко, даже тогда, когда клали ему на голову зажженную бумагу, чѣмъ особенно любили себя тѣшить судья и городничій.

Иванъ Никифоровичъ понюхалъ табаку.

Digitized by Google

»Воля ваша, Иванъ Никифоровичъ, я не знаю, что васъ удерживаетъ?«

»Чего я пойду?« проговорилъ наконецъ Иванъ Никифоровичъ: »тамъ будетъ разбойникъ!« Такъ онъ называлъ обыкновенно Ивана Ивановича. Боже праведный! А давно ли....

»Ей Богу не будетъ! вотъ какъ Богъ святъ, что не будетъ! Чтобъ меня на самомъ этомъ мѣстѣ громомъ убило!« отвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ, который готовъ былъ божиться десять разъ на одинъ часъ. »Пойдемте же, Иванъ Никифоровичъ!«

»Да вы вреше, Антонъ Прокофьевичъ, онъ тамъ?«

»Ей Богу, ей Богу нѣтъ! Чтобы я не сошелъ съ этого мѣста, если онъ тамъ! Да и сами посудите, съ какой стати мнѣ лгать! Чтобъ мнѣ руки и ноги отсохли!... Что, и теперь не вѣрите? Чтобъ я околѣлъ тутъ же передъ вами! чтобъ ни отцу, ни матери моей, ни мнѣ, не видать царствія небеснаго! Еще не вѣрите?«

Digitized by Google

Иванъ Никифоровичъ этими увѣреніями совершенно успокоился и велѣлъ своему камердинеру въ безграничномъ сюртукѣ принесть шаровары и нанковый казакинъ.

Я полагаю, что описывать какимъ образомъ Иванъ Никифоровичъ надѣвалъ шаровары, какъ ему намотали галстухъ и наконецъ надѣли казакинъ, который подъ лѣвымъ рукавомъ лопнулъ, совершенно излишне. Довольно, что онъ во все это время сохранялъ приличное спокойствіе и не отвѣчалъ ни слова на предложенія Антона Прокофьевича — что нибудь промѣнять на его Турецкій кисетъ.

Между тѣмъ собраніе съ нетерпѣніемъ ожидало рѣшительной минуты, когда явится Иванъ Никифоровичъ, и исполнится наконецъ всеобщее желаніе, чтобы сіи достойные люди примирились между собою; многіе были почти увѣрены, что не приденъ Иванъ Никифоровичъ. Городничій даже бился объ закладъ съ кривымъ Иваномъ Ивановичемъ, что не придетъ, но разошелся только потому, что кривой Иванъ Ивановичъ требовалъ, чтобы тотъ

Digitized by Google

поставилъ въ закладъ подстрѣленную свою ногу, а онъ кривое око; чѣмъ городничій очень обидѣлся, а компанія потихоньку смѣялась. Ни кто еще не садился за столъ, хотя давно уже былъ второй часъ, время, въ которое въ Миргородѣ, даже въ парадныхъ случаяхъ, давно уже обѣдаютъ.

Едва только Антонъ Прокофьевичъ появился въ дверяхъ, какъ въ то же мгновеніе былъ обступленъ всѣми. Антонъ Прокофьевичъ на всѣ вопросы закричалъ однимъ рѣшительнымъ словомъ: не будетъ; едва только онъ это произнесъ, и уже градъ выговоровъ, браней, а можетъ быть и щелчковъ, готовился посыпаться на его голову за неудачу посольства, какъ вдругъ дверь отворилась и — вошелъ Иванъ Никифоровичъ.

Если бы показался самъ сатана, или мертвецъ, то они бы не произвели такого изумленія на все общество, въ какое повергнулъ его неожиданный приходъ Ивана Никифоровича. А Антонъ Прокофьевичъ только заливался, ухватившись за бока,

Digitized by Google

отъ радости, что такъ подшутилъ надъ всею компаніею.

Какъ бы то ни было, только это было почти невѣроятно для всѣхъ, чтобы Иванъ Никифоровичъ въ такое короткое время могъ одѣться, какъ прилично дворянину. Ивана Ивановича въ это время не было; онъ зачѣмъ-то вышелъ. Очнувшись отъ изумленія, вся публика приняла участіе въ здоровьѣ Ивана Никифоровича и изъявила удовольствіе, что онъ раздался въ толщину. Иванъ Никифоровичъ цѣловался со всякимъ и говорилъ: »очень одолженъ.« Между тѣмъ запахъ борща понесся чрезъ комнату и пощекоталъ пріятно ноздри проголодавшимся гостямъ. Всѣ повалили въ столовую. Вереница дамъ говорливыхъ и молчаливыхъ, тощихъ и толстыхъ, потянулась впередъ и длинный столъ зарябѣлъ всѣми цвѣтами. Не стану описывать кушаньевъ, какія были за столомъ! Ничего не упомяну ни о мнишкахъ въ смѣтанѣ, ни объ утрибкѣ, которую подавали къ борщу, ни объ индѣйкѣ съ сливами и изюмомъ, ни о томъ кушаньѣ, которое

Digitized by Google

очень походило видомъ на сапоги, намоченные въ квасѣ, ни о томъ соусѣ, который есть лебединая пѣснь стариннаго повара, о томъ соусѣ, который подавался обхваченный весь виннымъ пламенемъ, что очень забавляло и вмѣстѣ пугало дамъ. Не стану говорить объ этихъ кушаньяхъ потому, что мнѣ гораздо болѣе нравится ѣсть ихъ, нежели распространяться объ нихъ въ разговорахъ. Ивану Ивановичу очень понравилась рыба, пригошовленная съ хрѣномъ. Онъ особенно занялся этимъ полезнымъ и питательнымъ упражненіемъ. Выбирая самыя тонкія рыбьи косточки, онъ клалъ ихъ на тарелки и какъ-то нечаянно взглянулъ насупротивъ: Творецъ Небесный, какъ это было странно! Противъ него сидѣлъ Иванъ Никифоровичъ. Въ одно и тоже самое время взглянулъ и Иванъ Никифоровичъ!.... Нѣтъ!.... не могу!... Дайте мнѣ другое перо! Перо мое вяло, мертво, съ тонкимъ расчепомъ для этой картины! Лица ихъ съ отразившимся изумленіемъ сдѣлались какъ бы окаменѣлыми. Каждый изъ нихъ увидѣлъ лицо

Digitized by Google

давно знакомое, къ которому казалось бы невольно готовъ подойти, какъ къ пріятелю неожиданному и поднесть рожокъ съ словомъ: »одолжайтесь« или »смѣю ли просить объ одолженіи«; но вмѣстѣ съ этимъ тоже самое лицо было страшно, какъ не хорошее предзнаменованіе! Потъ катился градомъ у Ивана Ивановича и у Ивана Никифоровича. Присутствующіе, всѣ, сколько ихъ ни было за столомъ, онѣмѣли отъ вниманія и не отрывали глазъ отъ нѣкогда бывшихъ друзей. Дамы, которыя до того времени были заняты довольно интереснымъ разговоромъ о томъ, какимъ образомъ дѣлаются каплуны, вдругъ прервали разговоръ. Все стихло! Это было картина, достойная кисти великаго художника! Наконецъ Иванъ Ивановичъ вынулъ носовой платокъ и началъ сморкаться; а Иванъ Никифоровичъ осмотрѣлся вокругъ и остановилъ глаза на растворенной двери. Городничій тотчасъ замѣтилъ это движеніе и велѣлъ затворить дверь покрѣпче. Тогда каждый изъ друзей

Digitized by Google

началъ кушать и уже ни разу не взглянули другъ на друга.

Какъ только кончился обѣдъ, оба прежніе пріятели схватились съ мѣстъ и начали искать шапокъ, чтобы улизнуть. Тогда городничій мигнулъ, и Иванъ Ивановичъ, не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, что съ кривымъ глазомъ, сталъ за спиною Ивана Никифоровича, а городничій зашелъ въ спину Ивана Ивановича, и оба начали подталкивать ихъ сзади, чтобы спихнуть ихъ вмѣстѣ и не выпускать до тѣхъ поръ, пока не подадутъ рукъ. Иванъ Ивановичъ, что съ кривымъ глазомъ, натолкнулъ Ивана Никифоровича, хотя и нѣсколько косо, однако жъ довольно еще удачно и въ то мѣсто, гдѣ стоялъ Иванъ Ивановичъ; но городничій сдѣлалъ дирекцію слишкомъ въ сторону, потому что онъ никакъ не могъ управиться съ своевольною пѣхотою, неслушавшею на тотъ разъ никакой команды и какъ на зло закидывавшею чрезвычайно далеко и совершенно въ противную сторону (что можетъ происходило отъ того, что за сто-

Digitized by Google

ломъ было чрезвычайно много разныхъ наливокъ), такъ, что Иванъ Ивановичъ упалъ на даму въ красномъ платьѣ, которая изъ любопытства просунулась въ самую средину. Такое предзнаменованіе не предвѣщало ничего добраго. Однако жъ судья, чтобъ поправить это дѣло, занялъ мѣсто городничаго и потянувши носомъ съ верхней губы весь табакъ, отпихнулъ Ивана Ивановича въ другую сторону. Въ Миргородѣ это обыкновенный способъ примиренія. Онъ нѣсколько похожъ на игру въ мячикъ. Какъ только судья пихнулъ Ивана Ивановича, Иванъ Ивановичъ съ кривымъ глазомъ уперся всею силою и пихнулъ Ивана Никифоровича, съ котораго потъ валился какъ дождевая вода съ крыши. Не смотря на то, что оба пріятеля весьма упирались, однако жъ таки были столкнуты, потому, что обѣ дѣйствовавшія стороны получили значительное подкрѣпленіе со стороны другихъ гостей.

Тогда обступили ихъ со всѣхъ сторонъ тѣсно и не выпускали до тѣхъ поръ, пока они не рѣшились подать другъ другу руки.

Digitized by Google

»Богъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ и Иванъ Ивановичъ! Скажите по совѣсти, за что вы поссорились? не по пустякамъ ли? Не совѣстно ли вамъ передъ людьми и передъ Богомъ!«

»Я не знаю«, сказалъ Иванъ Никифоровичъ пыхтя отъ усталости (замѣтно было, что онъ былъ весьма не прочь отъ примиренія): »я не знаю, что я такое сдѣлалъ Ивану Ивановичу; за что же онъ порубилъ мой хлѣвъ и замышлялъ погубить меня?«

»Неповиненъ ни въ какомъ зломъ умыслѣ«, говорилъ Иванъ Ивановичъ, не обращая глазъ на Ивана Никифоровича. Клянусь и предъ Богомъ и передъ вами, почтенное дворянство, я ничего не сдѣлалъ моему врагу. За что же онъ меня поноситъ и наноситъ вредъ моему чину и званію?«

»Какой же я вамъ, Иванъ Ивановичъ, нанесъ вредъ?« сказалъ Иванъ Никифоровичъ. Еще одна минута объясненія — и давнишняя вражда готова была погаснуть. Уже Иванъ Никифоровичъ полѣзъ въ кар-

Digitized by Google

манъ, чтобы достать рожокъ и сказать: »одолжайтесь.«

»Развѣ это не вредъ«, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, не подымая глазъ: »когда вы, милостивый государь, оскорбили мой чинъ и фамилію такимъ словомъ, которое неприлично здѣсь сказать.«

»Позвольте вамъ сказать по дружески, Иванъ Ивановичъ! (при этомъ Иванъ Никифоровичъ дотронулся пальцемъ до пуговицы Ивана Ивановича, что означало совершенное его расположеніе) »вы обидѣлись за чортъ знаетъ что такое: за то, что я васъ назвалъ *гусакомъ*....« Иванъ Никифоровичъ спохватился, что сдѣлалъ неосторожность, произнести это слово; но уже было поздно: слово было произнесено.

Все пошло къ чорту!

Когда при произнесеніи этого слова безъ свидѣтелей, Иванъ Ивановичъ вышелъ изъ себя и пришелъ въ такой гнѣвъ, въ какомъ не дай Богъ видывать человѣка,— что жъ теперь, посудите, любезные читатели, что теперь, когда это убій-

Digitized by Google

ственное слово произнесено было въ собраніи, въ которомъ находилось множество дамъ, передъ которыми Иванъ Ивановичъ любилъ быть особенно приличнымъ? Поступи Иванъ Никифоровичъ не такимъ образомъ, скажи онъ птица, а не гусакъ, еще бы можно было поправить.

Но — все кончено!

Онъ бросилъ на Ивана Никифоровича взглядъ — и какой взглядъ! Если бы этому взгляду придана была власть исполнительная, то онъ обратилъ бы въ прахъ Ивана Никифоровича. Гости поняли этотъ взглядъ и поспѣшили сами разлучить ихъ. И этотъ человѣкъ, образецъ кротости, который ни одну нищую не пропускалъ, чтобъ не распросить ее, выбѣжалъ въ ужасномъ бѣшенствѣ. Такія сильныя бури производятъ страсти!

Цѣлый мѣсяцъ ничего не было слышно объ Иванѣ Ивановичѣ. Онъ заперся въ своемъ домѣ. Завѣтный сундукъ былъ отпертъ, изъ сундука были вынуты, что же? карбованцы! старые, дѣдовскіе карбованцы! И эти карбованцы перешли въ

Digitized by Google

запачканныя руки чернильныхъ дѣльцевъ. Дѣло было перенесено въ Палашу. И когда получилъ Иванъ Ивановичъ радостное извѣстіе, что завтра рѣшится оно, тогда только выглянулъ на свѣтъ и рѣшился выдти изъ дому. Увы! съ того времени Палаша извѣщала ежедневно, что дѣло кончится завтра, въ продолженіе десяти лѣтъ!

Digitized by Google

Назадъ тому лѣтъ пять я проѣзжалъ чрезъ городъ Миргородъ. Я ѣхалъ въ дурное время. Тогда стояла осень съ своею грустно-сырою погодою, грязью и туманомъ. Какая-то ненатуральная зелень — твореніе скучныхъ, безпрерывныхъ дождей, покрывала жидкою сѣтью поля и нивы, къ которымъ она такъ пристала, какъ

Digitized by Google

шалости старику, розы старухѣ. На меня тогда сильное вліяніе производила погода: я скучалъ, когда она была скучна. Но не смотря на то, когда я сталъ подъѣзжать къ Миргороду, то почувствовалъ, что у меня сердце бьется сильно. Боже, сколько воспоминаній! я двѣнадцать лѣтъ не видалъ Миргорода. Здѣсь жили тогда въ трогательной дружбѣ два единственные человѣка, два единственные друга. А сколько вымерло знаменитыхъ людей! Судья Демьянъ Демьяновичъ уже тогда былъ покойникомъ; Иванъ Ивановичъ, что съ кривымъ глазомъ, тоже приказалъ долго жить. Я въѣхалъ въ главную улицу: вездѣ стояли шесты съ привязаннымъ вверху пукомъ соломы: производилась какая-то новая планировка! Нѣсколько избъ было снесено. Остатки заборовъ и плетней торчали уныло.

День былъ тогда праздничный; я приказалъ рогоженную кибитку свою остановить передъ церковью, и вошелъ такъ тихо, что никто не обратился. Правда, и нѣкому было. Церковь была пуста. На-

Digitized by Google

роду почти никого. Видно было, что и самые богомольные побоялись грязи. Свѣчи при пасмурномъ, лучше сказать больномъ днѣ, какъ-то были странно непріятны; темные притворы были печальны; продолговатыя окна съ круглыми стеклами обливались дождливыми слезами. Я отошелъ въ притворъ и оборотился къ одному почтенному старику съ посѣдѣвшими волосами: »Позвольте узнать, живъ ли Иванъ Никифоровичъ?« Въ это время лампада вспыхнула живѣе предъ иконою и свѣтъ прямо ударился въ лице моего сосѣда. Какъ же я удивился, когда, разсматривая, увидѣлъ черты знакомыя! Это былъ самъ Иванъ Никифоровичъ! Но какъ измѣнился! »Здоровы ли вы, Иванъ Никифоровичъ? Какъ же вы постарѣли!« — »Да, постарѣлъ. Я сегодня изъ Полтавы,« отвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ.

»Что вы говорите! вы ѣздили въ Полтаву въ такую дурную погоду?« — »Что жъ дѣлать! тяжба...« При этомъ я невольно вздохнулъ. Иванъ Никифоровичъ замѣтилъ этотъ вздохъ и сказалъ: »не безпокой-

Digitized by Google

шесь, я имѣю вѣрное извѣстіе, что дѣло рѣшится на слѣдующей недѣлѣ, и въ мою пользу.« Я пожалъ плечами и пошелъ узнать что нибудь объ Иванѣ Ивановичѣ.

»Иванъ Ивановичъ здѣсь!« сказалъ мнѣ кто-то: »онъ на крылосѣ.« Я увидѣлъ тогда тощую фигуру. Это ли Иванъ Ивановичъ? Лице было покрыто морщинами, волосы были совершенно бѣлые; но бекеша была все та же. Послѣ первыхъ привѣтствій, Иванъ Ивановичъ, обратившись ко мнѣ съ веселою улыбкою, которая такъ всегда шла къ его воронкообразному лицу, сказалъ: »Увѣдомить ли васъ о пріятной новости?« — »О какой новости?« спросилъ я. »Завтра непремѣнно рѣшится мое дѣло. Палаша сказала навѣрное.«

Я вздохнулъ еще глубже и поскорѣе поспѣшилъ проснуться, потому, что я ѣхалъ по весьма важному дѣлу, и сѣлъ въ кибитку. Тощія лошади, извѣстныя въ Миргородѣ подъ именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, непріятный для слуха звукъ. Дождь лилъ

Digitized by Google

ливмя на жида, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкою. Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава съ будкою, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣту небо. — Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!

Конецъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google